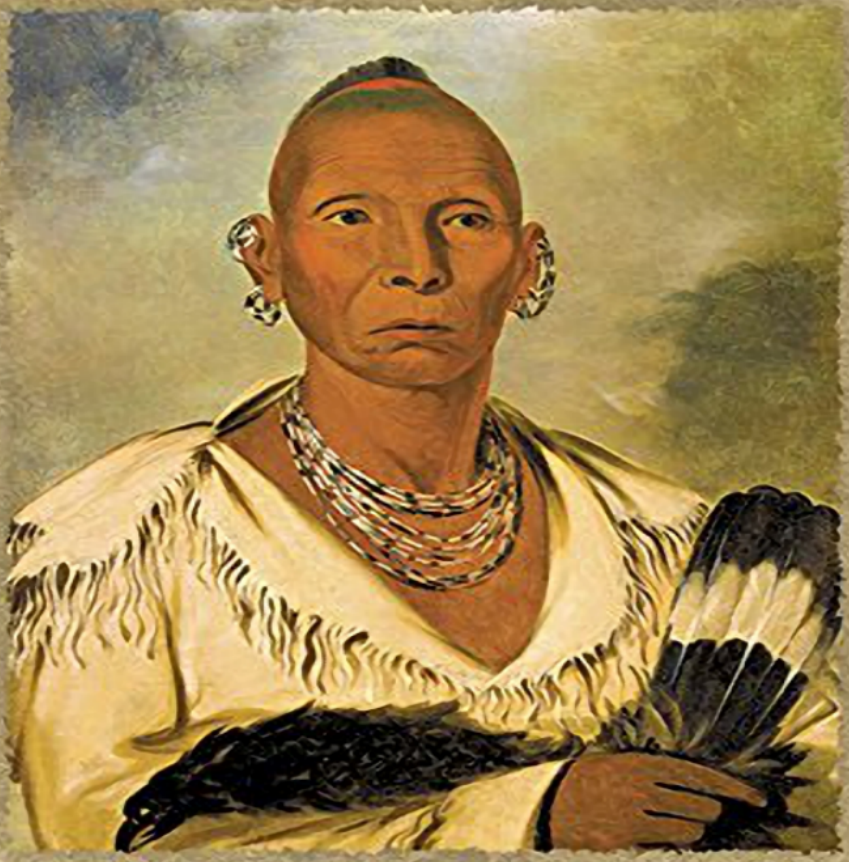
LIFE OF BLACK HAWK



Black Hawk

SHOUT
SHARE
IT

- Black Howck
  - ОТ ИЗДАТЕЛЯ
  - * * *
  - ЭПИЛОГ[31]
  - КОММЕНТАРИИ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31

Black Howck
ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ЧЕРНОГО ЯСТРЕБА, РАССКАЗАННАЯ ИМ САМИМ
Автобиографическая повесть

ПОСВЯЩАЕТСЯ БРИГАДНОМУ ГЕНЕРАЛУ Г. АТКИНСОНУ[1]

Сэр, превратности судьбы и военная удача сделали возможной Вашу победу. Долгие и тяжкие переходы истощили наши силы настолько, что мы принуждены были сдаться — и вот я стал Вашим пленником.

На этих страницах изложена история моей жизни, которая столь тесно переплелась с вашей собственной, что я решил посвятить эту книгу Вам.

Я уже стар и много раз видел, как лето сменяет зиму — не много лун осталось мне пережить. Но перед тем, как отправиться в страну своих предков, мне хотелось бы рассказать о том, что побудило меня враждовать с белыми людьми, и тем самым защитить свое доброе имя. Надеюсь, что события, свидетелем которых были и Вы, нашли свое правдивое отражение в моем повествовании.

Сейчас я лишь скромный представитель того народа, который некогда воздавал мне почести и внимал каждому моему слову. Путь к славе тернист и омрачен многими бедами. Да ниспошлет Вам Великий Дух свое благоволение, чтобы Вы никогда не испытали унижения,

которое было уготовано американским правительством для того, чья гордость и смелость не уступала Вашей в ту счастливую пору, когда он жил под сенью своих родных лесов.

ЧЕРНЫЙ ЯСТРЕБ

10-ый лунный месяц 1883 года

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Имею все основания полагать, что история жизни героя, занявшего впоследствии столь видное место среди выдающихся людей Америки, вызовет вполне оправданный интерес читателей. На страницах этой книги перед вами предстанет образ воина, патриота и пленника — и в каждом из этих обличий он остается вождем своего народа, мужественно и решительно защищающего свои права и достоинство. В описаниях недавней войны много предвзятого по отношению к Черному Ястребу и его народу, и это побудило его поведать миру о тех притеснениях, которым подвергались индейцы по вине белого человека, что и послужило истинной причиной войны, ход которой излагается автором со всей полнотой. По его мнению, это единственная оставшаяся для него возможность защитить свой маленький отряд — все, что осталось от тех, кто храбро сражался под его началом, — от несправедливых обвинений.

Заслуживают внимания факты, которые приводятся автором в связи с Договором 1804 года, согласно которому правительство США претендовало на спорные территории, подкрепляя свои притязания силой оружия. Договор предусматривал передачу Соединенным Штатам всех земель к востоку от Миссисипи, включая деревню и кукурузные поля Черного Ястреба и его племени. Как утверждает Черный Ястреб, четыре представителя племени, приехавшие в Сент-Луис, чтобы освободить из тюрьмы своего товарища, были принуждены заключить этот важный договор, не имея на то соответствующих полномочий и без ведома своего племени.

При заключении договоров, касавшихся владения землей, было принято обязательно собирать все племя. Это объяснялось, как справедливо предполагал военный министр, характером полномочий вождей племен, которые нечасто решались заключать важные договоры в отсутствие своих воинов.

Рассказ Черного Ястреба был записан со слов американского переводчика в агентстве саков и фоксов[2] на Рок-Айленде. Издатель не берет на себя ответственность оценивать факты и суждения, изложенные в этой книге, и предоставляет читателю составить свое собственное мнение о старом вожде и его воспоминаниях, оставляя за собой лишь скромную роль посредника, не требующего никакой награды за свои труды.

* * *

Родился я в селении саков на берегах реки Рок в 1767 году, так что сейчас мне идет шестьдесят седьмой год.

Как гласит предание, которое я слышал от отца, Пай-и-са, прадед мой На-на-ма-ки. Небесный Гром, был рожден в окрестностях Монреаля, где поначалу Великий Дух поселил племя саков. Когда прадед был еще совсем молод, Великий Дух внушил ему веру, что по прошествии четырех лет он увидит белого человека, который станет ему отцом. Три года прадед покрывал свое лицо черной краской, ел лишь раз в день на заходе солнца и в своих снах видел, как исполняется предсказание Великого Духа. На исходе третьего года Великий Дух снова явился к нему и предсказал, что ровно через год мой прадед увидит того, кто станет ему отцом. И Великий Дух повелел, чтобы за семь дней до истечения срока юноша отправился в сторону севера, взяв с собой своих братьев: На-маха, Осетра, и Пау-ка-хам-ма-ву, Черного Окуня. Спустя пять дней после начала путешествия На-на-ма-ки выслал своих братьев вперед, наказав им отметить шестом с привязанным сверху пучком травы то направление, в котором они услышат шум.

Рано утром братья возвратились и рассказали, что, услышав в лесу незнакомые звуки, они поступили так, как им было приказано. Все вместе братья направились туда, где был установлен шест. Придя к этому месту, На-на-ма-ки оставил своих братьев и один поспешил туда, где раздавался шум. Там он увидел палатку белого человека. Когда появился На-на-ма-ки, белый человек вышел из палатки, чтобы приветствовать его. Он взял юношу за руку и пригласил в свою палатку. Белый человек сказал, что он подданный французского короля, и что Великий Дух повелел ему пойти в страну, где живет племя людей, никогда не видевших белого человека. Они станут его детьми, а он будет их отцом. Он мечтал об этом четыре года, но когда поведал о своем желании королю, своему отцу, тот посмеялся над ним и назвал Ма-ше-на[3]. Однако белый человек все же пришел сюда, чтобы увидеть своих детей, как повелел ему Великий Дух. Король сказал ему, что он не найдет здесь ни земли, ни людей — только лишь горы да множество озер, но видя, что человек не успокоится, пока не добьется своего, снарядил на-пе-ква[4] и послал его на поиски неведомой земли. Человек нагрузил корабль, поставил парус и приплыл сюда, к своим детям как раз в тот день, который Великий Дух указал ему в его снах. И вот он встретил юношу, которому суждено стать вождем своего племени.

Потом белый человек подарил На-на-ма-ки медаль, которую тот надел на шею. На-на-ма-ки поведал белому человеку о своих снах и сказал, что братья его ждут неподалеку. Отец дал ему рубашку, одеяло, платок и множество других вещей и велел привести братьев. Сняв свою одежду из бизоньей кожи и облачившись во все новое, На-на-ма-ки поспешил к братьям, чтобы рассказать им о своей встрече с белым человеком. Он показал полученные от него подарки и, сняв с шеи медаль, надел ее на На-маха, своего старшего брата. Втроем они отправились к своему новому отцу. Тот принял их очень радушно, пригласил в палатку и после короткой церемонии знакомства открыл свой сундук и стал доставать подарки для пришедших. Увидев, что На-на-ма-ки отдал свою медаль, белый человек сказал, что этого делать не следовало — он должен сам носить свою медаль, а для братьев приготовлены другие. Медаль дает ему право занять высокое положение в своем племени. Его братья будут вождями лишь в мирное время и будут следить за порядком в деревне и заботиться о нуждах ее жителей, в то время как ему, в силу его высшего предназначения, будет принадлежать вся полнота власти. Если его племя вступает в столкновение с другими племенами, его пак-ко-ха-ва-ма, или верховной власти, должны повиноваться все. Если он объявит войну, то должен сам вести своих воинов на битву. Белый человек сказал также, что по воле Великого Духа он стал военачальником и был послан, чтобы вручить юноше медаль и подарки для его народа.

Отец оставался с На-на-ма-ки четыре дня и дал ему ружья, порох и свинец, копья и ножи, показав как обращаться с ними: в дни войны их можно направлять против врагов, а в мирное время ими можно убивать бизонов, оленей и другую дичь, чтобы сделать свою жизнь счастливой и изобильной. Двум другим братьям он подарил разную домашнюю утварь и научил пользоваться ею. Оставив братьям множество всяких подарков и товаров, белый человек отплыл во Францию, обещав вернуться через двенадцать лун.

Трое новоиспеченных вождей вернулись в свою деревню и рассказали своему отцу Ма-ка-та-квету, который был главным вождем племени, что с ними произошло. Старый вождь приказал убить несколько собак и устроил празднество по поводу своего отречения, на которое было приглашено все племя. Всем не терпелось скорее узнать, что же случилось, и старый вождь поднялся и рассказал обо всем, что произошло с его сыновьями. Свое повествование он закончил так:

«Великий Дух повелел, чтобы трое моих сыновей стали вождями и моя власть перешла к ним. С радостью передаю им

свое высокое звание и все свои обязанности, потому что это воля Великого Духа, и я никогда не осмелюсь прогневать его!»

Старый вождь передал На-на-ма-ки великий амулет племени со словами:

«С радостью вручаю тебе его — это душа нашего народа. Никогда прежде не был он опозорен нами и я надеюсь, ты сумеешь сохранить его незапятнанным!»

Многие были недовольны, ибо считали, что На-на-ма-ки слишком молод, чтобы обладать такой большой властью. Желая рассеять это недовольство, На-на-ма-ки как-то раз во время сильной грозы объявил, что это он вызвал ее, чтобы подтвердить значение имени, которым наградил его Великий Дух. В этот момент молния ударила в дерево, росшее неподалеку. Прежде такого никогда не случалось. На-на-ма-ки подошел к нему, сломал несколько горящих веток, развел костер в вигваме и усадил вокруг него своих братьев. Потом он встал и обратился к своему народу:

«Я еще молод, но то высокое положение, которое я занимаю среди вас, дано мне Великим Духом. Никогда не желал я занять иного места, чем то, которое положено мне по рождению. Никогда не был я тщеславен и не желал занять место отца при его жизни. Его власть не была захвачена мной. Четыре года Великий Дух являл мне в снах свое предначертание — он указал мне путь туда, где мне предназначено было встретить белого человека, который станет добрым отцом для всех нас. Я исполнил его повеление. Я пошел по указанному мне пути и увидел нашего нового отца. Все вы слышали о том, что произошло. Великий Дух сделал так, что белый человек пришел сюда и встретился со мной. Это по воле Великого Духа я стал во главе моего народа — и мой отец с радостью уступил мне свое место.

Все мы видели, каким могуществом наделил меня Великий Дух, послав огонь с неба. Пусть же мои братья-вожди надежно охраняют его, чтобы он не вырвался на волю. Пусть они поддерживают мир и согласие среди вас и помогают всем нуждающимся. А если враги нападут на нас, я сам поведу наших храбрых воинов на битву!»

Когда На-на-ма-ки закончил свою речь, все стали громко его приветствовать. Люди были рады, что то, в чем они видели хитрость На-на-ма-ки, оказалось на самом деле велением Великого Духа.

Когда вновь наступила весна, из Франции вернулся, как и обещал, их новый отец. Его на-пе-ква была доверху нагружена всякими товарами, которые он щедро раздавал всем обитателям деревни. Еще долгое время продолжал он торговать с ними, и они

расплачивались за его товары шкурами и пушниной.

Спустя много лет англичане взяли верх над французами[5] (они в то время воевали) и, изгнав их из Квебека, захватили его. Индейские племена, жившие по соседству и завидовавшие нашему народу, объединились и оттеснили наше племя к Монреалю, а оттуда к Макинаку[6].

Там наш народ впервые увидел своего английского отца, который снабдил его разными товарами. Враги по-прежнему преследовали наше племя и несколько раз вынуждали его сниматься с места и кочевать вокруг озера, пока наконец оно не обосновалось на берегу залива Грин-Бей у реки, которая сейчас называется Сак. Здесь саки созвали совет и заключили с фоксами договор о дружбе и союзничестве. Фоксы покинули свою деревню и объединились с нашим племенем. Сначала это было вынужденной мерой, ибо ни одно из племен не было достаточно сильно, чтобы успешно противостоять врагам, но вскоре они слились в один народ и образовали единое племя. Однако враждебные им племена вынудили их перекочевать на Висконсин. Здесь они оставались до тех пор, пока отряд молодых воинов не нашел хорошие земли в устье реки Рок. Тогда все племя перекочевало на Рок и, изгнав оттуда кас-кас-кия[7], начало строить деревню, преисполненное решимости уже никогда не покидать эти места.

В этой деревне я и родился, будучи прямым потомком первого вождя На-на-ма-ки, Небесного Грома. До пятнадцати лет со мной не произошло ничего примечательного, что могло бы сохраниться в памяти. Мне не разрешалось носить перья или иметь боевую раскраску. Но в столь раннем возрасте я уже отличился тем, что ранил врага, и был зачислен в ряды воинов.

Вскоре после этого в нашу деревню пришел главный вождь племени маскотенов[8], чтобы собрать воинов для войны с осейджами, нашими общими врагами. Мой отец присоединился к нему, и я также счел своим долгом откликнуться на его призыв. Я был рад возможности доказать, что я достоин своего отца и обладаю достаточным мужеством и смелостью. Скоро мы столкнулись с неприятелем и началось сражение. Стоя рядом с отцом, я видел, как он поразил противника и снял с него скальп. Горя желанием проявить свою доблесть, я накинулся на другого вражеского воина, поверг его наземь томагавком, пронзил копьем и, сняв скальп, с торжествующим видом возвратился к отцу! Он ничего не сказал, но видно было, что он мной доволен. Так я впервые убил человека. Враг понес большие потери в этой схватке и вынужден был отступить. Военные действия были временно прекращены, наш отряд вернулся в деревню и исполнил

победный танец на скальпах. Тогда мне впервые позволили участвовать в подобной пляске.

По прошествии нескольких лун (за это время я уже успел завоевать славу храброго воина) я повел отряд из семи человек против сотни осейджей![9] Поразив одного из врагов и предоставив моим воинам снять с него скальп, я стал наблюдать за неприятелем, чтобы оценить его силу и военную готовность. Убедившись, что они вооружены не хуже нас, я приказал отступить и вывел свой отряд, не потеряв ни единого человека! Это происшествие снискало горячее одобрение моих соплеменников, что позволило мне за короткий срок собрать против осейджей отряд в сто восемьдесят человек. Мы вышли из деревни, горя воинственным пылом, и долго шли по пересеченной местности, пока не достигли места поселения осейджей на Миссури. Идя по их следу, мы осторожно подошли к деревне. Но каково же было наше огорчение, когда мы обнаружили, что она покинута жителями! Это вызвало недовольство среди воинов моего отряда и все они, за исключением пяти человек, вернулись домой. Я возглавил этот отважный маленький отряд, воздав благодарность Великому Духу и за то немногое, что он оставил мне, и повел его по вражеской тропе, полный решимости не возвращаться без военных трофеев. Так мы шли несколько дней и убили одного воина и мальчика, после чего возвратились в свою деревню с их скальпами.

После этого неудачного похода все мои попытки собрать новый отряд заканчивались неудачей и так продолжалось до тех пор, пока мне не исполнилось девятнадцать лет. За это время осейджи успели причинить нашему народу много вреда. Наконец, мне удалось собрать двести опытных воинов и на рассвете мы выступили в поход. Через несколько дней мы были уже на вражеской земле и вскоре повстречались с отрядом, не уступающим нам по силе. Сразу же разгорелось сражение, хотя мои воины и были истощены длительным переходом. Обе стороны дрались отчаянно. Враг не желал уступить нам ни пяди земли, мы же были готовы победить или умереть! Множество осейджей полегло в этом бою, прежде чем они обратились в бегство. И кто бы мог устоять против моих храбрых, опытных и искусных бойцов! В этой битве я убил пятерых мужчин и одну женщину, и мне удалось снять скальпы с четверых. Наши противники потеряли около сотни человек, мы же — всего девятнадцать. С победой возвратились мы в свою деревню и исполнили пляску на захваченных скальпах.

Потерпев значительные потери в этой войне, осейджи больше не покидали своих земель и временно прекратили набеги на наше

племя. Тогда мы обратили взор на своих стародавних врагов, которые завлекали и убивали наших беззащитных женщин и детей. В составе небольшого отряда, который возглавил мой отец, я выступил и против этого врага. На реке Мерамек[10] мы вступили в схватку с чероки[11], которые сильно превосходили нас числом. В самом начале сражения отец мой был ранен в бедро, но перед тем, как упасть, все же успел поразить противника. Видя, что отец упал, я принял командование отрядом на себя и отчаянно дрался, пока враг не отступил. Тогда я вернулся к отцу, чтобы помочь ему, но было уже поздно. Знахарь сказал, что рана смертельна, и вскоре отец скончался. В этой битве я убил троих врагов и нескольких ранил. Неприятель потерял двадцать восемь воинов, а мы только семерых.

Великий амулет моих предков принадлежал теперь мне. Я взял его, приказал похоронить убитых и вернулся с отрядом в деревню, оплакивая потерю отца. Пять лет я покрывал лицо черной краской, постился и воздавал молитвы — и все это время занимался лишь охотой и рыбной ловлей.

После очередного нападения осейджей Великий Дух наконец сжалился надо мной и дал собрать небольшой отряд, с которым я и выступил против врага. Однако мы обнаружили всего лишь шестерых. Я счел недостойным вступать в схватку со столь малочисленным противником. Мы взяли этих осейджей в плен и привели их к своему испанскому отцу[12] в Сент-Луис, после чего вернулись к себе в деревню. Преисполненный решимости истребить всех оставшихся осейджей за все те несчастья, которые мой народ испытал по их вине, я стал сразу же по возвращении собирать силы и на исходе третьей луны отправился в поход против осейджей во главе отряда из пятисот саков и фоксов и стал айова[13]. Прошло несколько дней, прежде чем мы напали на их след. Уже наступил вечер, и мы разбили лагерь в лесу. Рано утром мы напали на их деревню и к заходу солнца было разрушено сорок вигвамов, а все их обитатели перебиты, за исключением двух скво, которых я взял в плен. От моей руки пало шесть воинов и два мальчика.

В этом сражении погибло много лучших воинов осейджей и с тех пор это племя перестало совершать набеги на наши охотничьи угодья и оставалось в пределах своих собственных земель.

Меня не оставляло желание отомстить чероки за смерть отца и истребить весь их род до последнего. Для этой цели я стал собирать новый отряд. С ним я отправился в места, где жили чероки, но нашел там лишь пятерых из их племени, коих и взял в плен. Четырех мужчин я отпустил, а молодую скво мы привели в свое селение. Как ни велика была моя ненависть к этому народу,

истреблять столь малочисленного противника казалось мне недостойным.

На исходе девятой луны я выступил с большим отрядом против чиппева[14], кас-кас-кия и осейджей. Это было началом длительного и многотрудного военного похода, который закончился, когда мне шел уже тридцать пятый год. Мы участвовали в семи больших сражениях и множестве мелких схваток. За время похода было убито несколько сотен вражеских воинов. Своей рукой я поразил тринадцать храбрейших воинов противника.

Изгнав вражеские племена из наших мест охоты и нанеся им великие потери, мы возвратились с миром в свои деревни. Похоронив и оплакав мертвых и исполнив все необходимые ритуальные пляски, мы стали готовиться к зимней охоте, которая прошла очень успешно.

Каждое лето мы обычно приходили в Сент-Луис. Но затянувшаяся война помешала этому и я не появлялся там уже несколько лет. Когда все наши тяготы были позади, я с небольшим отрядом отправился повидать нашего испанского отца. Придя в город, мы раскинули свои палатки на том месте, где сейчас находится рыночная площадь. Сменив одежду и раскрасив лица, мы направились к своему испанскому отцу, который нас принял очень тепло. Мы получили от него большое количество провианта и множество разных подарков. Проходя по городу, мы исполнили свою обычную пляску и все жители приветствовали нас. Они были нам братьями и всегда. помогали советом.

При следующем и последнем посещении моего испанского отца я почувствовал что-то неладное: все жители выглядели печальными и озабоченными. Я спросил, в чем причина, и узнал, что американцы собираются захватить город и всю эту местность, и тогда мы лишимся своего испанского отца! Эта новость повергла нас в уныние: индейцы, жившие по соседству с американцами, всегда отзывались о них очень плохо. Нам было жаль терять своего испанского отца, который неизменно относился к нам с дружеским расположением.

Через несколько дней прибыли американцы. Со своим отрядом я пришел проститься с нашим отцом. Одновременно к нему пожаловали и американцы. Видя их приближение, мы вышли в дверь в тот момент, когда они входили в другую. Сразу же сели мы в каноэ и отплыли в свою деревню на реке Рок — происшедшие перемены радовали нас ничуть не больше, чем наших друзей в Сент-Луисе.

Вернувшись в деревню, мы рассказали, что Сент-Луис занят

чужестранцами и мы никогда более не увидим своего испанского отца! Новость эта опечалила людей.

Некоторое время спустя, вверх по реке отправилось судно с молодым американским военачальником (лейтенант, впоследствии генерал Пайк), сопровождаемым небольшой группой солдат. Весть о нем дошла до нас вскоре после того, как он прошел Солт-Ривер. Наши юноши все время следили за судном, пытаясь узнать, кто находится на борту. Наконец, судно достигло реки Рок и молодой военачальник высадился на берег вместе с переводчиком. Он произнес речь и преподнес нам подарки! Мы, в свою очередь, принесли ему мясо и ту провизию, которая у нас еще оставалась.

Речь Пайка пришлась нам по душе. Он сказал много хороших слов и пообещал, что американский отец будет добр к нам. Нам был вручен американский флаг, который сразу же был поднят. После этого он попросил нас спустить английские флаги и отдать ему английские медали — вместо них из Сент-Луиса нам пришлют другие. Но мы желали, чтобы у нас было два отца, и поэтому отказались.

Когда молодой военачальник отплыл, мы послали гонцов в деревню фоксов в нескольких милях от нас с просьбой, чтобы его там хорошо встретили, что и было исполнено. Он доплыл до самого истока Миссисипи и вернулся в Сент-Луис. После этого мы больше не видели американцев-товары нам поставляли английские торговцы.

Мы хорошо сделали, сохранив свои медали. Позже от торговцев мы узнали, что вожди племен в верховьях Миссисипи, отдавшие свои медали, так и не получили ничего взамен. Но молодой американский военачальник не был виноват в этом. Он был хорошим человеком и храбрым воином — и погиб, исполняя свой долг.

Спустя несколько лун после того, как молодой военачальник проплыл вниз по Миссисипи, один из наших людей убил американца и был заключен в тюрьму Сент-Луиса. В деревне был созван совет, чтобы решить, как помочь ему. Совет постановил, что Кваш-ква-ме, Па-ше-па-хо, Оу-че-ква-ка и Ха-ше-ква-хи-ква должны пойти в Сент-Луис, увидеть там американского отца и попытаться освободить нашего соплеменника, предложив выкуп, достаточный, чтобы рассчитаться за пролитую кровь и умиротворить родственников убитого. Для нас это было единственным средством спасения человека, совершившего убийство, и тогда мы были уверены, что и белые люди думают так же!

Наши посланники отправились в Сент-Луис с самыми

благими намерениями, надеясь, что их миссия закончится успешно. Родственники заключенного покрыли свои лица черной краской и стали поститься — они надеялись, что Великий Дух вернет детям отца, а жене — мужа.

Кваш-ква-ме и его товарищи отсутствовали довольно долго. Наконец они возвратились и разбили лагерь неподалеку от деревни. Однако в тот день в деревне они не появились и никто не приближался к их стоянке. На них была красивая одежда и грудь их украшали медали? По этим признакам мы заключили, что они принесли добрые вести. На следующее утро вигвам совета был переполнен — вошли Кваш-ква-ме и остальные посланцы и вот что мы услышали от них.

Прибыв в Сент-Луис, они встретились с американским отцом и изложили ему свое дело, потребовав освобождения своего соплеменника. Американский вождь сказал, что взамен он хочет получить землю, и они согласились отдать ему земли к западу от Миссисипи и со стороны реки Иллинойс против Джеффреона. Когда дело было улажено, они ожидали, что их товарища отпустят и он пойдет с ними. И, действительно, его выпустили из тюрьмы, когда они уже собирались покидать город, однако не успел он пройти и несколько шагов, как тут же был застрелен! Это все, что они помнят, ибо большую часть своего пребывания в Сент-Луисе были пьяны.

Вот все, что я и мой народ знали о договоре 1804 года. Позже мне объяснили его значение. По этому договору вся наша земля к востоку от Миссисипи и к югу от Джеффреона передавалась во владение Соединенным Штатам за тысячу долларов в год! Пусть граждане Соединенных Штатов сами судят, сколь полномочно было представлено наше племя при заключении этого договора и насколько справедливо было то вознаграждение, которое мы получили за земли, отданные этими четырьмя людьми. Я многое мог бы сказать об этом договоре, но сейчас не время для этого. Скажу только, что он был причиной всех наших несчастий.

Некоторое время спустя после заключения договора в наши края прибыло судно с военачальником и солдатами на борту. Они раскинули лагерь недалеко от истоков Де-Мойна и начали валить лес и строить дома. Новость об их прибытии быстро облетела все деревни, и повсюду были созваны советы. Мы никак не могли взять в толк, почему американцы решили строить поселок в этом месте, но уже знали, что это военный отряд, который привез с собой большие ружья[15].

Несколько жителей нашей деревни, среди которых был и я, отправились посмотреть, что там происходит. Придя на место, мы обнаружили, что они строят форт! Солдаты дружно валили лес. Я

заметил, что они вооружены и ведут себя так, будто находятся во вражеском окружении. Наши вожди вступили в переговоры с белыми офицерами — я в них не участвовал, но позднее узнал, что главный военачальник заявил, что дома строятся для торговца, который будет здесь жить и дешево продавать нам разные товары. С ним поселятся и все эти солдаты. Мы были обрадованы этой новостью и надеялись, что все сказанное было правдой, хотя и трудно было предположить, что все эти строения предназначались лишь для одного торговца. Мы все же сомневались в истинности их намерений и предпочли бы, чтобы они прекратили свое строительство и покинули эти места. Тем временем собралось уже довольно много индейцев, желающих посмотреть, что здесь происходит. Я заметил, что белые люди обеспокоены.

Несколько наших юношей наблюдали за группой солдат, которые пришли вооруженными, но перед началом работы сложили свое оружие в стороне. Индейцы прокрались к этому месту, схватили ружья и издали боевой клич. Солдаты побросали топоры и побежали за своим оружием, но обнаружили, что оно исчезло, а они окружены! Наши юноши посмеялись над ними и вернули им ружья.

Но когда солдаты вернулись в форт и рассказали о том, что произошло, главный военачальник отнесся к этому очень серьезно. Он пригласил наших вождей в свой форт на совет. Это вызвало большое волнение среди наших людей — все хотели знать, чем это кончится. Форт был обнесен довольно низким частоколом и вскоре весь он был окружен индейцами — они забирались на бочки и бревна, стараясь заглянуть внутрь. Одни принесли с собой ружья, другие-луки и стрелы. Такая предосторожность была совсем не напрасна ружья белых солдат были заряжены, а утром мы видели, как они засыпали порох в свои пушки.

Часть наших воинов начала пляску у ворот форта, намереваясь войти туда, но они были остановлены солдатами. Совет немедленно был прерван солдаты с ружьями в руках стали выбегать из своих казарм, где они были скрыты от наших глаз, к воротам притащили пушку и к ней подскочил солдат с горящим запалом, готовый поджечь фитиль. Наши воины отступили, и все вернулись в лагерь.

В то время у нас еще не было намерений нападать на бледнолицых, но сейчас мне представляется, что войди тогда индейцы в форт, все белые были бы перебиты, как это случилось с английскими солдатами в Макинаке много лет назад.

Сняв свой лагерь, мы вернулись на Рок. Через некоторое

время обитатели форта получили подкрепление и среди вновь прибывших мы узнали некоторых своих друзей из Сент-Луиса.

Вскоре после нашего возвращения из форта Мэдисон в деревне появились гонцы от пророка племени шауни[16], который просил нас присоединиться к нему на реке Уобаш. Он также разослал гонцов в селения виннебагов. В ответ на эту просьбу из каждой деревни выступил отряд воинов.

Однако вскоре все наши воины возвратились, а вместе с ними пришел и пророк. Он рассказал нам, как вероломно поступают американцы с индейскими племенами: в обмен на несколько подарков забирают их земли. Я очень хорошо помню, как он сказал:

«Если вы не поддержите своих друзей на Уобаше, американцы прогонят вас из этой деревни!»

Тогда я и не предполагал, что настанет время, когда сбудется это предсказание. Мне казалось, он говорил так, чтобы убедить нас в необходимости этого шага. Однако мы решили не вступать в войну. Пророк вернулся на Уобаш, куда уже подошел отряд виннебагов, и начались приготовления к войне. Вскоре произошло сражение, в котором было убито несколько виннебагов. Как только это племя узнало, что в сражении погибли их воины, по разным направлениям были высланы боевые отряды. Один направился в сторону копей, другой — к Прери-дю-Шейен, а третий — в форт Мэдисон. Этот последний возвращался через нашу деревню, и воины показали нам снятые ими скальпы. Их успех побудил несколько других отрядов идти на приступ форта. Я с моими воинами присоединился к одному из них. Мы были полны решимости захватить форт. Ночью мы появились в его окрестностях. Разведчики, высланные за несколько дней до этого для наблюдения за гарнизоном, сообщили, что вечером пришло судно с семнадцатью солдатами, так что гарнизон форта насчитывает пятьдесят человек, и на рассвете они выходят на учения.

Сразу же было решено, что мы укроемся неподалеку от того места, куда приходят солдаты, и по сигналу перестреляем их всех и ворвемся в форт. Орудуя ножом, я стал рыть себе укрытие, прикрывая его ветками. Я был так близко от форта, что слышал, как ходит часовой. К рассвету я закончил свои приготовления и с нетерпением ожидал восхода солнца. Ударил барабан. Проверив заряд моего ружья, я стал с нетерпением наблюдать за воротами. Вскоре они отворились, но вместо марширующих солдат показался лишь один юноша, и ворота сразу же были закрыты. Он прошел совсем близко от меня так близко, что я мог бы ударить его ножом, и направился к реке. Он шел, не покидая тропы —

иначе он бы наткнулся на наш отряд и был убит. Вскоре он вернулся и исчез в воротах. Мне следовало бы броситься за ним и так проникнуть в форт, однако я медлил, опасаясь, что мой отряд не последует за мной.

Ворота снова отворились, и на этот раз вышло уже четверо, которые отправились к реке за хворостом. Когда они скрылись из виду, показался еще один солдат и тоже было спустился к реке, но был застрелен одним из виннебагов. Остальные сразу же бросились к форту и двое упали под нашими пулями. После этого мы укрылись на берегу, за пределами досягаемости выстрелов из форта. Начавшаяся перестрелка продолжалась целый день. Я отдал приказ поджечь форт и мы стали готовить для этого стрелы. Ночью мы попытались осуществить свое намерение и подожгли несколько строений, однако огонь был быстро погашен.

На следующий день я перебил двумя выстрелами веревку, на которой держался флаг, и они не смогли поднять его. Мы продолжали перестрелку, пока у нас не кончились патроны, и, убедившись, что форт нам не взять, вернулись домой. При осаде один виннебаг был убит и один ранен. Позже я узнал, что последний был подстрелен торговцем, жившим в форте, когда он пытался скальпировать убитого нами солдата. Виннебаг оправился от раны, пребывает и посейчас в добром здравии и питает вполне дружеские чувства к торговцу, почитая его настоящим воином.

Вскоре после возвращения мы узнали, что англичане собираются вступить в войну с американцами. Гонцы от разных племен приносили вести о готовящейся войне. Английский агент, полковник Диксон, вел переговоры с индейскими племенами, подкрепляя свои увещевания подарками. Я колебался, поддерживать ли англичан или сохранять нейтралитет. Тогда я еще не был знаком с повадками американцев, пришедших на нашу землю. Они охотно давали обещания, но никогда не выполняли их! Англичане же, наоборот, не спешили с посулами, но на их слово мы всегда могли положиться.

Один из наших людей убил француза в Прери-дю-Шейен и англичане посадили его в тюрьму и собирались на следующий день расстрелять. Семья его остановилась неподалеку от устья Висконсина, и он умолял отпустить его повидаться с родными перед смертью. Англичане исполнили его просьбу, взяв обещание вернуться на следующий день к восходу солнца. Не берусь описывать его прощание с женой и шестью детьми. Боюсь, что белым людям будет трудно понять, что он испытывал — ведь они привыкли подчинять свои чувства моральным правилам, налагаемым на них их священнослужителями, мы же неизменно

следуем зову наших сердец. Расставшись с женой и детьми, несчастный поспешил в форт и сумел вернуться ко времени. Солдаты уже ждали его и через минуту он был расстрелян! Я не оставил его семью: все то время, пока они не нашли своих родных, я поддерживал их охотой и рыбной ловлей.

И зачем только Великий Дух наслал на нашу землю бледнолицых, которые принесли с собой ядовитое зелье, болезни и смерть и лишили нас собственного дома? Почему они не остались там, где Великий Дух поселил их изначально? Но пора продолжить мой рассказ. Вот только память стала изменять мне с тех пор, как я последний раз побывал среди белых людей. В ушах у меня все еще звенит от их шума и, может быть, какие-то события я изложу не совсем последовательно. Постараюсь, однако, быть точным.

Некоторые из наших вождей и предводителей были приглашены в Вашингтон на встречу с Великим Отцом. Во время их отсутствия я отправился в Пеорию, что на реке Иллинойс, чтобы повидать там торговца, моего старого приятеля, и посоветоваться с ним. Он неизменно был осведомлен обо всем, что вокруг происходило, и всегда говорил нам только правду. Но в Пеории я его не застал — он уехал в Чикаго. Тогда я навестил племя поттоватоми и возвратился на Рок. Вскоре из Вашингтона вернулись наши вожди и поведали нам обо всем, что они видели и слышали. Великий Отец попросил их в случае войны с англичанами оставаться в стороне и не вмешиваться в военные действия. Ему не нужна была наша помощь и он желал, чтобы мы занимались только охотой и жили в мире. Он сказал, что английским торговцам не разрешат больше приходить на Миссисипи, но вместо них нас будет снабжать товарами американский торговец. На это наши вожди заметили, что осенью английские торговцы всегда предоставляли нам ружья, порох и товары в долг, чтобы мы могли охотиться и одевать свои семьи. Великий Отец уверил их, что у торговца в форте Мэдисон будет много разных товаров и осенью мы можем пойти туда и получить их в долг так же, как и у английских торговцев. Вожди были очень довольны хорошим приемом и подробно описали нам все, что они видели.

Эти новости порадовали нас. Все решили последовать совету Великого Отца и не участвовать в войне. Особенно обрадовались женщины. В нашей деревне царило веселье. Мы снова стали играть в мяч, устраивать скачки и принимать участие в плясках — ведь все это было забыто, когда разнеслась весть о большой войне.

У нас хорошо уродилась кукуруза и наши женщины

проводили все время на полях, собирая ее и строя кладовые для ее хранения. Вскоре мы были готовы отправиться в форт Мэдисон, чтобы получить там товары, необходимые для охоты. Весело спустились мы по реке. Эту зиму я решил провести в своих старых излюбленных охотничьих местах на реке Сканк. Поэтому часть кукурузы и мяса я оставил в ее устье, чтобы забрать все на обратном пути. Другие поступили так же. Утром мы пришли к форту и разбили лагерь. Вместе с самыми уважаемыми людьми племени я отправился к командиру форта. Он принял нас очень радушно и дал нам табаку, трубок и немного провианта. Когда вошел торговец, мы все поднялись, чтобы пожать ему руку — ведь от него зависело все наше благополучие. Мы ждали, когда же торговец скажет, что Великий Отец распорядился снабдить нас товарами, но тот молчал. Тогда я поднялся и рассказал ему, зачем мы пришли. Я заверил его, что весной мы сполна рассчитаемся за все товары, и под конец объявил, что мы решили последовать совету Великого Отца и не вступать в войну.

Торговец ответил, что очень рад нашим мирным намерениям. У него есть множество разных товаров, и если наша охота будет удачной, мы получим все, что пожелаем. Но никто не приказывал ему давать нам что-либо в долг — мы должны сразу расплатиться за все товары!

Тогда мы передали ему то, что сказал нашим вождям в Вашингтоне Великий Отец, и стали уверять, что он вполне может дать нам товары в долг — ведь Великий Отец всегда говорит правду! Но командир форта подтвердил, что торговец не будет отпускать нам товары в долг, потому что никаких распоряжений на этот счет они из Вашингтона не получали. В полной растерянности покинули мы форт и вернулись в лагерь. Никто не знал, что же теперь делать. Снова допросили мы тех, кто принес нам эту весть из Вашингтона, но они стояли на своем и в точности повторили свой прежний рассказ. Немногим удалось сомкнуть веки в эту ночь — в лагере царили уныние и тревога.

Утром мы увидели, как по реке спускается каноэ. В нем сидел посланец, который сообщил нам, что Ла Гатри, английский торговец, привел на Рок-Айленд два корабля, доверху груженых товарами, и приглашал нас явиться к нему как можно скорее, так как у него для нас есть хорошие новости и множество подарков. Курьер передал нам табак, трубки и вампум.

Подобно пожару прерий разнеслась эта новость по лагерю. Мы разобрали свои вигвамы и поспешили на Рок-Айленд. Так пришел конец нашим надеждам сохранить мир: обман, с которым мы столкнулись, вынудил нас вступить в войну.

Нам не потребовалось много времени, чтобы попасть на Рок-

Айленд. Подойдя к острову и увидев там раскинутые палатки, мы издали клич, дали залп из ружей и забили в барабаны. В ответ с острова прогремел ружейный салют и вверх взвился английский флаг! Когда мы пристали к берегу, нас встретил сам Ла Гатри и выкурил с нами трубку. Он передал нам послание полковника Диксона и вручил подарки: большой шелковый флаг и бочонок рома. После этого он посоветовал нам пойти немного выпить и отдохнуть, так как завтра предстоит серьезный разговор.

Мы вернулись в свои вигвамы и провели там ночь. Наутро мы снова пришли к торговцу и попросили его отдать нам товары, которые он привез на своих двух кораблях, — весной мы щедро расплатимся за все шкурами и пушниной. Он согласился и разрешил нам забрать все свои товары. Пока наши люди делили их между собой, Ла Гатри отвел меня в сторону и сообщил, что полковник Диксон находится в заливе Грин-Бей с двенадцатью кораблями, нагруженными товарами, ружьями и боевыми припасами, и ждет меня с отрядом воинов. Он также сказал, что наш общий друг, торговец из Пеории, собирает поттоватоми и они могут опередить нас. Я передал услышанное моим воинам и скоро отряд из двухсот человек был готов к выступлению.

Перед отходом я навестил своего старого друга, товарища моей юности, который сопровождал меня во многих военных походах, но сейчас был искалечен и не мог передвигаться на большие расстояния. У него был сын, к которому я относился, как к родному, и в последние два года брал с собой на охоту. Я попросил друга отпустить сына со мной. Он запротестовал, сказав, что сын его единственная опора и без него он не сможет просуществовать, особенно сейчас, когда я покидаю свое племя (а надо сказать, что я постоянно помогал ему после того, как он получил увечье). Я предложил оставить своего сына взамен, но он продолжал упорствовать. Мой друг заявил, что он вообще против этой войны: он побывал в низовьях реки и американцы отнеслись к нему очень хорошо — поэтому он и не хочет воевать с ними. Кроме того, он обещал белому поселенцу зимовать вместе с ним в верховьях Солт-Ривер и хочет взять сына с собой. На этом мы и расстались. Скоро мы закончили свои приготовления и отправились к заливу Грин-Бей. Там мы обнаружили большой военный лагерь, где нас встретил полковник Диксон и военные вожди, бывшие с ним. Он дал нам большое количество провианта, табак и трубки и сказал, что на завтра назначен большой совет.

В лагере я увидел множество поттоватоми[17], кикапу, оттава и виннебагов. Я наведался на все стоянки и застал их там в самом лучшем расположении духа. Все получили новые ружья, боеприпасы и много разной одежды. Вечером за мной пришел

посыльный от полковника Диксона. Войдя в его палатку, я застал там еще двух военачальников и переводчика. Диксон приветствовал меня сердечным рукопожатием и представил двум другим военным, которые также пожали мне руку с самым приветливым видом. Когда я сел, полковник Диксон произнес:

«Генерал Черный Ястреб, я послал за тобой, чтобы объяснить, почему мы пришли сюда и что собираемся делать дальше. В письме, которое ты принес с собой, наш друг Ла Гатри сообщает обо всех последних событиях. Теперь нам придется крепко взяться за руки. Ваш английский отец узнал, что американцы собираются забрать ваши земли, и прислал меня и свое войско, чтобы изгнать их отсюда. Он также выслал много оружия и боеприпасов, так что мы приглашаем всех твоих воинов присоединиться к нам».

Потом он надел мне на шею медаль и вручил бумагу (я потерял ее в последней войне) и шелковый флаг со словами:

«Ты будешь командовать всеми воинами, которые выйдут отсюда послезавтра, чтобы соединиться с нашими солдатами у Детройта».

Я ответил, что очень огорчен, ведь я предполагал спуститься по Миссисипи и напасть на местные поселения. На это Диксон сказал, что у него есть приказ опустошить всю местность вокруг Сент-Луиса. Много лет он был торговцем на Миссисипи и повсюду встречал самое лучшее отношение, поэтому он не допустит, чтобы воины убивали там женщин и детей. В тех местах совсем нет солдат и не с кем сражаться. А вот там, куда он собирается послать нас, солдат как раз очень много, и если мы одолеем их, земля на Миссисипи будет нашей! Такая речь пришлась мне по душе, это были слова настоящего воина.

Я спросил о своем старом приятеле, торговце из Пеории, заметив, что я ожидал увидеть его здесь. Диксон покачал головой и сказал, что шлет к нему одного курьера за другим и предлагает много денег, чтобы он пришел и привел с собой поттоватоми и кикапу, однако тот упорно отказывается, говоря, что всех денег английского отца не хватит, чтобы заставить его присоединиться к ним.

«Но я расставил ему ловушку», — продолжал Диксон. — «Гомо с отрядом солдат уже отправился по моему приказу, чтобы взять его в плен и привести сюда. Через несколько дней я ожидаю его увидеть».

На следующий день мой отряд получил оружие и боеприпасы, томагавки, ножи и одежду. Вечером мы устроили большой праздник. Наутро я выступил во главе отряда из пятисот человек, чтобы соединиться с английской армией. Нас сопровождал английский военачальник. Когда мы подошли к

Чикаго, американские солдаты покинули форт и направились в форт Уэйн. Неподалеку от него они подверглись нападению и были разбиты. В форте Чикаго был большой запас пороха, который американцы обещали отдать индейцам. Однако накануне оставления форта они уничтожили весь запас. Думаю, его бросили в колодец. Сдержи они слово, данное индейцам, мне кажется, они бы остались невредимы.

Когда мы вошли в Чикаго, выяснилось, что индейцы захватили несколько пленных. Я посоветовал им хорошо обращаться с ними. Продолжив переход, мы вскоре соединились с английской армией под Детройтом и почти сразу же попали в бой. Американцы сражались совсем неплохо и нанесли нам большие потери. Я был поражен этим, так как слышал раньше, что американцы плохие солдаты.

Следующим нашим боевым заданием была осада форта. Мне с моими воинами поручили следить, чтобы через ворота форта не прошла ни одна живая душа. Я взял в плен двух пастухов, но не убил их, а отослал к английскому военачальнику. Спустя некоторое время на реке показалось несколько лодок, полных американскими солдатами. Они пристали на противоположной стороне, заняли английские укрепления и стали преследовать отступавших солдат. Не представляя себе действительных сил противника, они вторглись слишком далеко в стан врага и были полностью разбиты. Мне не терпелось показать на деле храбрость моих солдат и мы стали спешно переправляться через реку, но не успели ступить на берег, как все было уже кончено. Там мы увидели, как индейцы убивают пленных, во множестве захваченных англичанами. Я немедленно положил этому конец, так как всегда считал трусостью убивать безоружного врага.

Мы оставались там некоторое время. Не могу в точности описать, что происходило, поскольку мы с моими воинами несли службу в лесу. Но, видимо, англичанам все же не удалось взять этот форт, так как нас перебросили к другому. Когда мы подошли, оказалось, что это несколько небольших строений, огороженных частоколом, и я счел, что здесь не может быть значительного гарнизона. Полковник Диксон отправился в форт с белым флагом и вскоре вернулся. Он сообщил, что командует фортом молодой офицер, который не уступит его без боя. Подойдя ко мне, Диксон заметил:

«Захватить этот форт ничего не стоит — завтра ты сам в этом убедишься».

Я тоже так думал поначалу, но наутро мне пришлось убедиться в обратном. Англичане пошли на штурм и дрались, как настоящие храбрецы, но гарнизон форта оказал им яростное

сопротивление и нападение было отбито. Потеряв множество солдат, англичане стали готовиться к отступлению. Оставаться с ними долее не было смысла — удача изменила нам, нечего было и надеяться на богатую добычу. Я решил вернуться на Рок к жене и детям — все это время я ничего не знал об их судьбе.

Ночью вместе с двадцатью воинами я покинул лагерь англичан и отправился в родные места. Мы шли, никого не встречая, до самого Иллинойса, где, наконец, увидели вигвамы поттоватоми. Они приняли нас очень радушно и, накормив, стали расспрашивать о своих соплеменниках, сражающихся на стороне англичан. Нам же они сообщили, что на Иллинойсе произошло сражение и мой старый приятель, торговец из Пеории, был взят в плен. Я предположил, что это сделал Гомо[18] со своим отрядом, но оказалось, что туда на двух лодках приплыли американцы. которые захватили в плен торговца и всех французских поселенцев, а потом сожгли Пеорию. О наших людях на Роке ничего не было известно.

Через три дня мы уже подходили к своей деревне. Вдруг я заметил дым, поднимающийся из лощины. Отправив свой отряд в деревню, я решил посмотреть, что там происходит. Приблизившись к костру, я увидел старика, с горестным видом сидящего под натянутой циновкой. В любое другое время я не осмелился бы беспокоить того, кто, очевидно, искал уединения, чтобы смиренно воззвать к милости Великого Духа. Но сейчас я подошел и сел рядом. Старик взглянул на меня и снова обратил свой взор в землю. В нем я узнал своего индейского друга! С волнением стал я расспрашивать о судьбе его сына (ведь он был и моим приемным сыном) и о том, какая участь постигла наш народ. Старик едва дышал— должно быть, он давно голодал. Я раскурил свою трубку и дал ему. Он с радостью сделал несколько затяжек и поднял глаза. На этот раз он узнал меня. Чтобы он снова не впал в беспамятство, я дал ему немного воды, которая возвратила его к жизни. После этого я опять попытался узнать, что же случилось с его сыном и со всем нашим народом. Слабым голосом начал он свое печальное повествование:

«Вскоре после того, как ты ушел к англичанам, я с небольшим отрядом спустился по реке к месту зимовки, куда, как ты помнишь, позвал меня белый человек. Придя туда, мы узнали, что белый человек, предложивший мне охотиться вместе, переехал с семьей во вновь построенный форт. Я отправился в форт, чтобы выразить его обитателям свое дружеское расположение, и сообщил, что мы хотим охотиться по соседству. Командир форта разрешил нам охотиться на Миссисипи со стороны Иллинойса и уверил, что никто нас там не тронет. Кавалерия совершает

вылазки только со стороны Миссури и солдатам приказано не переправляться через реку. С радостью выслушал я его заверения в безопасности и немедленно переправился на другую сторону, чтобы разбить зимний лагерь. Дичи там водилось в изобилии, мы были вполне счастливы и часто вспоминали тебя. Мой мальчик очень сожалел о твоем отсутствии и горевал о невозможности разделить с тобой трудности военного похода. По прошествии двух лун сын мой отправился, как обычно, на охоту. Вечером он не вернулся, и я не смыкал глаз всю ночь, опасаясь за его жизнь. Утром моя старуха пошла к вигвамам и подняла тревогу. Все отправились на поиски. Уже выпал снег, так что они скоро напали на его след и увидели, что он преследовал оленя, который бежал в сторону реки. Скоро они достигли того места, где он остановился, чтобы выстрелить, и обнаружили там освежеванную тушу оленя, висящую на суку. Но здесь же они увидели и следы белых людей! Мой сын был схвачен ими. Следы вели через реку по направлению к форту. Пустившись по следу, наши люди скоро нашли моего мальчика, лежащего мертвым на снегу. Его безжалостно убили. Лицо его было изуродовано пулями, тело изрезано ножом, а с головы снят скальп. Руки у него были связаны за спиной».

Старик ненадолго замолчал, а потом рассказал, что жена его погибла на пути к Миссисипи. Я взял его за руку и поклялся отомстить за смерть его сына! Неожиданно небо потемнело и началась страшная гроза — потоки дождя обрушивались на землю, грохотал гром, сверкали молнии. Я снял с себя одеяло и завернул в него старика. Когда гроза утихла, я вновь разжег костер и хотел было перенести к нему старика, но он был мертв! Я оставался с ним всю ночь. Рано утром за мной пришли мои воины и помогли мне похоронить его на вершине холма. После этого мы возвратились в деревню. Больше я не приходил на могилу своего друга, так как впоследствии отправился вверх по реке Рок.

В деревне я был встречен вождями и воинами, которые отвели меня в приготовленный к моему прибытию вигвам. Утолив голод, я поведал им обо всем, что мне пришлось увидеть. Я объяснил им, как воюют англичане и американцы. Вместо того, чтобы незаметно подкрадываться друг к другу, пользуясь каждым удобным случаем, чтобы истреблять врагов, сохраняя при этом своих людей, как это делаем мы (и что считается у нас лучшей военной тактикой), они выступают друг против друга среди бела дня и сражаются, не заботясь о своих потерях. После битвы они пируют и пьют вино, как ни в чем не бывало, а потом пишут отчет обо всем, что произошло, и каждая сторона притязает на победу и

заявляет, что убитых у нее вполовину меньше, чем на самом деле. Они сражаются, как настоящие воины, но совершенно иначе, чем мы. Наше главное правило — «убей врага и сохрани своих людей», их же вожди годятся больше, чтобы грести на каноэ, а не управлять им. Американцы стреляют лучше англичан, но их солдаты хуже одеты и вооружены. Вождь деревни рассказал, что после ухода моего и других отрядов в племени осталось так мало воинов, что в случае нападения американцев они бы не могли защититься. Им также пришлось взять на себя заботу о семьях ушедших воинов. Был созван совет, который решил, что Кваш-ква-ме, Копье, и другие вожди со стариками, женщинами и детьми спустятся вниз по Миссисипи до Сент-Луиса и попросят там защиты у американского военачальника. Тот принял их очень радушно и, снабдив всем необходимым, отправил вверх по Миссури, невзирая на то, что их соплеменники помогали англичанам.

Затем мне представили нового военного вождя Ке-о-кука[19]. Я спросил, как он стал вождем. Мне рассказали, что незадолго до нашего прихода разведчики донесли, что к Пеории движется большое войско. Возникли опасения, что солдаты нападут на нашу деревню. На совете, собранном по этому случаю, было решено оставить деревню и перебраться на западный берег Миссисипи. Во время заседания совета Ке-о-кук стоял у входа в вигвам — ему не разрешалось присутствовать на советах, так как он не убил еще ни одного врага. Когда из вигвама вышел Ва-ко-ме, Ке-о-кук сказал ему, что он слышал все, что было решено на совете, и просит разрешения войти и говорить. Ва-ко-ме возвратился в вигвам и передал совету просьбу Ке-о-кука. Совет позволил ему войти и Ке-о-кук обратился к вождям с такой речью: «С горечью я узнал, что вы решили оставить деревню и перейти на другой берег Миссисипи только из-за того, что сюда движутся американцы. Неужели вы оставите врагу могилы своих предков, даже не попытавшись защитить их? Дайте мне под начало ваших воинов. Я сумею защитить нашу деревню и вы сможете спать спокойно».

Совет порешил, что Ке-о-кук будет военным вождем. Выслав вперед разведчиков, он вышел из деревни во главе отряда и отправился по тропе, ведущей в Пеорию. Вскоре они вернулись, так и не увидев врага. Американцы не пришли в нашу деревню. Все были очень довольны назначением Ке-о-кука. Он вел себя весьма осмотрительно, опасаясь вызвать недовольство в народе. Вот как случилось, что Ке-о-кук стал вождем.

Удовлетворившись услышанным, я отправился к жене и детям. Все у них было в порядке, мальчики мои подрастали. У

индейцев не принято много говорить о женщинах. Они обычно с готовностью исполняют все свои обязанности и никогда не вмешиваются в дела мужчин. Это моя первая и последняя жена и никогда не будет у меня другой! Она хорошая женщина и растит из моих мальчиков настоящих воинов. Казалось бы, настало время обрести покой и утешение под родным кровом, но нет, я ведь поклялся отомстить за смерть своего приемного сына.

Без проволочек собрал я отряд в тридцать воинов и объяснил им цель нашего похода: отомстить за смерть моего приемного сына, зверски убитого белыми. Я рассказал им о клятве, данной мной его отцу, заметив, что это были последние слова, которые он слышал в своей жизни. Воины выразили готовность идти со мной и мы отплыли на каноэ вниз по Миссисипи. Добравшись до форта Мэдисон, мы увидели, что он сожжен и покинут белыми: на его месте торчали одни трубы. Мы были рады, что бледнолицые покинули наши места. Спустившись еще ниже по реке, я высадился на берег с одним из моих воинов неподалеку от Кап-о-Гри. Остальные направились к устью реки Квивер. Я поспешил по тропе, которая вела от устья Квивера к форту, и вскоре услышал перестрелку. Мы с моим воином укрылись в стороне от тропы. Прошло совсем немного времени и на дороге показалась лошадь с двумя всадниками, во весь опор мчавшимися от места перестрелки. Когда они приблизились. мы выстрелили. Лошадь взвилась на дыбы и оба всадника упали. Мы бросились к ним, но один вскочил и побежал прочь. Я стал преследовать его и вскоре почти нагнал, когда он перебирался через кучу недавно обтесанных кольев. Тогда он схватил кол и бросил в меня. При этом он обернулся и я тотчас узнал его! Он приходил в деревню Кваш-ква-ме, чтобы научить наших людей пахать землю. Мы считали его хорошим человеком. Поэтому я решил не убивать и не преследовать его больше. Вернувшись назад, я увидел своего воина со скальпом в руках. Он сказал мне, что убил второго всадника. Однако не успели мы отойти, как увидали человека, которого считали убитым, — он шел по дороге, шатаясь, как пьяный, и обливаясь кровью. Это было ужасное зрелище. Я велел своему товарищу убить его и тем самым избавить от мучений. Жутко было смотреть на него. Пройдя вперед, я вдруг услышал шум в кустах и увидел двух притаившихся там мальчиков. Вспомнив о своих собственных детях, я прошел мимо, как бы не замечая их. Здесь меня догнал мой товарищ и скоро мы повстречали свой отряд. Я предупредил людей, что вот-вот за нами начнется погоня, и приказал следовать за мной. Мы пересекли ручей и укрылись в лесу.

Прошло совсем немного времени и мы увидели конный

отряд, несущийся на нас во весь опор. Я взял на прицел того, кто его возглавлял. Раздался выстрел, и всадник замертво упал с лошади. Мои люди открыли огонь, но без видимого успеха. Противник стремительно приближался, не давая нам возможности перезарядить ружья. Солдаты окружили нас и вынудили отступить на дно глубокого оврага, поросшего кустарником. Зарядив ружья, мы ждали приближения врага. Солдаты показались на краю оврага и обстреляли нас, убив одного из моих воинов. Мы ответили им ружейным залпом и один из нападавших был настигнут пулей. Мы вновь зарядили ружья и стали копать укрытия на склоне оврага, не спуская глаз с наших врагов и ожидая, когда они обрушат на нас все свои силы. Некоторые из моих воинов затянули песню смерти. Я услышал, как белые переговариваются между собой, и призвал их вступить в схватку. Положение наше было не из лучших и мне хотелось, чтобы дело поскорее шло к развязке. Скоро послышались удары и треск срубаемых кустов. Я никак не мог взять в толк, что они собираются делать. Однако вскоре на краю оврага появилась пушка и пальнула вниз, не причинив нам никакого вреда. Я еще раз прокричал солдатам, что, если они не трусы, то должны спуститься в овраг и сразиться с нами. Но к вечеру они сняли осаду и вернулись в форт. Со мной в этой ловушке оказалось восемнадцать воинов. Когда мы выбрались оттуда, то на краю оврага обнаружили убитого солдата. Бледнолицые не забрали его, опасаясь нашего огня. Мы сняли с него скальп и положили на него нашего убитого воина. Нельзя было устроить для воина лучшего погребения, чем на теле убитого врага!

Мы выполнили свою миссию и могли отправляться домой. Обратно мы шли пешком — возвращаться в каноэ было небезопасно. Свою жену и детей с большей частью племени я нашел в устье Айовы. Теперь я был намерен оставаться с семьей, занимаясь охотой и воздавая хвалу Великому Духу за то, что он сохранил мне жизнь.

Свою охотничью стоянку я разбил на реке Инглиш (приток Айовы). Зимой к нам с Иллинойса пришел отряд поттоватоми и среди них Уош-е-оун, старик, некогда живший в нашей деревне. Он рассказал нам, что осенью американцы построили форт в Пеории и не разрешили поттоватоми охотиться на Сонгомо, чем те были весьма обескуражены. Гомо вернулся от англичан и принес весть об их поражении у Молдена. Он решил больше не воевать и отправился к американскому военачальнику с флагом, заявив, что хочет мира для своего народа. Американский военачальник дал ему бумагу к командиру форта в Пеории и Уош-е-оун ходил туда вместе с Гомо. Было решено, что

поттоватоми больше не будут воевать с американцами, и два их вождя в сопровождении восьми воинов и пяти американцев отправились в Сент-Луис, чтобы утвердить это мирное соглашение. По словам Уош-е-оуна, это было известие, радостное для всех, — ведь теперь они свободно могли отправляться в места охоты.

«Вот я, — заявил он, — никогда и не хотел этой войны. Прежде американцы никогда не убивали наших людей и не вторгались в наши охотничьи угодья. Я решил, что никогда более не причиню им вреда!»

Я ничего не ответил на эти речи — мой собеседник был очень стар и рассуждал, как ребенок.

В честь поттоватоми мы устроили праздник. Я подарил Уош-е-оуну хорошего коня, мои воины сделали то же самое для каждого из отряда поттоватоми и на прощание те пожелали, чтобы и мы заключили мир с американцами. Этого мы им не обещали, но дали слово, что не будем нападать на мирные поселения.

Спустя короткое время после отъезда поттоватоми, к нам из Мирного лагеря на Миссури пожаловало тридцать воинов, принадлежащих к нашему племени. Они показали пять скальпов, снятых ими на Миссури, и исполнили на них пляску, к которой мы охотно присоединились. С интересом выслушали мы обстоятельства, при которых они сняли эти скальпы, а затем показали им те два, которые мы добыли на Квивере, и рассказали, чего нам стоило их заполучить, и что побудило нас к этому.

Потом они дали нам подробный отчет обо всем, что происходило у них, и сообщили сколько убитых на счету у их отряда. Это далеко превосходило число убитых нашими воинами, когда они сражались на стороне англичан. Отряд этот собирался примкнуть к англичанам. Я посоветовал соплеменникам вернуться к мирным занятиям и передал то, что мы узнали от поттоватоми. Они вернулись на Миссури и с ними отправились те наши воины, чьи семьи находились в мирном лагере.

Весной, когда закончилась варка сахара[20], я посетил деревню фоксов неподалеку от свинцовых копей. Они не участвовали в войне и не оплакивали убитых. Я провел там несколько дней, принимая участие в их празднествах и плясках. Затем отправился в деревню поттоватоми на реке Иллинойс и там узнал, что Са-на-ту-ва и Та-та-пак-ки находятся сейчас в Сент-Луисе. Гомо сказал мне, что поттоватоми заключили мир с американцами и семь воинов его отряда остались у американского военачальника, чтобы мир был прочнее. Он также сообщил мне, что Уош-е-оун был убит. Старик отправился в форт,

чтобы обменять немного дичи на табак, трубки и провизию. Получив табак и муку, он на закате вышел из форта, но не успел пройти и нескольких шагов, как был застрелен офицером, притаившимся у дороги. Труп его был утоплен в озере, где впоследствии Гомо и нашел его. Чтобы не нарушать заключенного мира, ему пришлось отдать родственникам старика свое ружье и двух лошадей. Только тогда они согласились не мстить за его смерть.

Я провел в деревне несколько дней и вместе с Гомо ходил к командиру форта. Он принял меня за поттоватоми, так как я хорошо говорю на их языке. Американский военачальник встретил нас очень дружелюбно и сказал, что он очень огорчен убийством Уош-е-оуна и обязательно найдет и накажет убийцу. Он задал несколько вопросов о моем племени, и я с готовностью на них ответил.

По возвращении на Рок я узнал, что вверх по Миссисипи отправился отряд солдат для постройки форта в Прери-дю-Шейен. Они остановились неподалеку от нашей деревни и были настроены вполне миролюбиво. Наши люди отвечали им тем же.

Мы занялись починкой своих вигвамов и расчисткой кукурузных полей. Поля тех, кто находился на Миссури, мы поделили между всеми желающими с условием, что они возвратят их владельцам, когда те вернутся. В нашей деревне царили мир и спокойствие: женщины с радостью трудились на полях и ничто не омрачало нашу жизнь.

Спустя некоторое время на реке появилось шесть лодок с солдатами, направлявшимися в Прери-дю-Шейен для пополнения гарнизона. Они вели себя вполне дружелюбно и мы приняли их по-доброму. Военачальника их мы пригласили на свой совет. У нас не было ни малейшего намерения причинять вред ему или его отряду — в противном случае мы бы без труда перебили их всех. Солдаты провели у нас весь день, поглощая изрядное количество виски и щедро угощая нас. Ночью пришел отряд англичан (они спустились по реке Рок) и принес нам шесть бочонков пороха! Мы узнали, что англичане захватили форт в Прери-дю-Шейен, и настаивают, чтобы мы снова вступили в войну на их стороне. Мы последовали их призыву и я стал собирать воинов, чтобы начать преследование американских солдат, отплывших незадолго до этого. Случись все днем раньше, мы бы с легкостью захватили весь отряд, так как их начальник совершенно не думал об осторожности.

Мы стали догонять их берегом в надежде, что Великий Дух поможет нам, если ему угодно, чтобы американцы были захвачены и убиты. Миновав пороги, вскоре увидели лодки, на

всех парусах летевшие вверх по реке. Я сразу заметил, что одна из них управлялась довольно худо и ее прибивало ветром к берегу. Вскоре она с силой врезалась в песок, и солдаты спустили парус. Остальные лодки прошли мимо. Сам Великий Дух послал нам эту лодку! Мы осторожно приблизились и открыли огонь по высадившимся на берег. Те бросились к лодке, но никак не могли столкнуть ее, так как она врезалась далеко в береговую линию. Укрываясь за деревьями, мы высыпали на берег и начали палить по лодке. Пули наши, видимо, достигли цели — оттуда послышались крики. Я приказал воинам продолжать стрельбу. С лодки также прогремело несколько выстрелов, не причинивших, впрочем, нам вреда. Я стал готовить лук и стрелы, чтобы поджечь парус, лежавший в лодке. После двух-трех попыток мне это. удалось.

Скоро всю лодку охватило пламя. К этому времени одна из ушедших лодок вернулась и, бросив якорь рядом с горевшей лодкой, стала забирать оттуда людей. Им удалось снять всех, кроме убитых и тяжело раненых. Покидавшие лодку солдаты служили нам отличной мишенью и мы успели перестрелять многих из них. При этом был ранен их военачальник. Тут подошла еще одна лодка и бросила якорь, однако он не удержался и лодку вынесло на берег. Подошедшие в первой лодке обрубили концы и пошли на веслах вниз по реке, не сделав ни малейшей попытки помочь своим товарищам. Мы обстреляли оставшуюся лодку, несколько раз перезаряжая ружья. Нам не ответили. Решив, что они испугались или их слишком мало на борту, я отдал приказ захватить лодку. Но когда мы приблизились, они-таки открыли огонь и убили двух воинов, чем и ограничились наши потери в этой схватке. Несколько солдат выпрыгнули на берег и столкнули лодку в воду. Так им удалось уйти, не потеряв ни единого человека. Очевидно, военачальник у них оказался лучше, чем у тех других. Я бы с удовольствием пожал ему руку.

Не успели мы загасить огонь на захваченной лодке, чтобы спасти груз, как на реке показался ялик. Воины мои стали кричать, что это курьер из Прери-дю-Шейен. Мы подняли английский флаг, но ялик не пристал к берегу. Развернувшись, он стал удаляться вверх по реке. Мы послали ему вдогонку несколько выстрелов, но он уже был вне досягаемости наших пуль.

На борту лодки я нашел несколько бочонков виски. Выбив у них днища, я вылил на землю всю эту отраву! Еще я там обнаружил ящик, полный маленьких бутылочек и коробочек. Это, вероятно, тоже была отрава, с помощью которой лекари убивают

белых людей, когда те заболеют. Я выбросил все это в реку. В лодке были также ружья, одежда и полотняные палатки. Все это я раздал своим воинам. Похоронив убитых, мы возвратились в деревню фоксов на Рок-Айленде, где раскинули свои новые палатки и водрузили английский флаг. Многие из наших воинов обрядились в захваченную одежду и наша стоянка стала напоминать военный лагерь бледнолицых. Расставив дозорных, мы начали пляску на добытых скальпах. Вскоре мимо нас вниз по течению прошло несколько лодок и среди них одно большое судно с пушками. Наши юноши преследовали их некоторое время, но пули их не достигали цели, и солдаты отделались легким испугом. Мы поняли, что форт в Прери-дю-Шейен был захвачен, так как на судне находились те самые солдаты, которые строили форт.

Днем на реке появилась маленькая лодка англичан. Они преследовали большое судно в надежде, что оно застрянет на порогах и им удастся захватить его. Ранее они предложили экипажу сдаться, но те отказались. Теперь же, когда судно благополучно миновало пороги, все надежды захватить его растаяли.

Англичане выгрузили на берег пушку и вставили при ней трех солдат. Они похвалили нас за храбрость, проявленную при захвате лодки, и рассказали, что произошло в Прери-дю-Шейен. Преподнеся нам бочонок рома, они вместе с нами праздновали победу и танцевали. Мы отдали им кое-что из захваченного в лодке, в частности, бумаги и книги. На следующее утро англичане покинули лагерь, пообещав вернуться через несколько дней с подкреплением.

По их отъезде мы принялись за работу и, руководимые оставшимися солдатами, вырыли ямы для пушки и тех, кто будет из нее стрелять. Разведчики, посланные вниз по течению реки, донесли через гонца, что к нам приближается несколько лодок с солдатами. Нам еще не приходилось сталкиваться с американцами в открытом бою и мы горели желанием сразиться с ними. Построившись, мы ожидали их приближения. Лодки показались только вечером и пристали к небольшому острову, поросшему ивой, как раз против нас. Ночью мы перекатили пушку вниз и на рассвете открыли огонь. С радостью мы отмечали, что чуть ли не каждый наш выстрел достигает цели. Наблюдая, с какой поспешностью солдаты отчаливали от острова, я с нетерпением ждал начала боя. Трудно передать, как я был раздосадован, когда увидел, что все лодки устремились вниз по реке. Несколько воинов последовало за ними, чтобы посмотреть, где они пристанут, но они не останавливались до самого Де-

Мойна и высадились уже за порогами, где и приступили к постройке форта[21].

С небольшим отрядом воинов я выступил в том направлении. Строительство форта в этих местах могло помешать нашей зимней охоте: в Двуречье находились лучшие охотничьи угодья, и осенью мы как раз собирались отправиться туда. Вечером мы добрались до форта и заночевали на вершине высокого холма. Костер не разводили из страха быть замеченными. Всю ночь наши юноши по очереди стояли в дозоре. Изрядно устав за день, я вскоре заснул. Во сне ко мне явился Великий Дух и повелел спуститься к подножью холма и подойти к ручью. Там я найду поваленное дуплистое дерево, в вершине которого прячется большая змея. В той стороне, куда смотрят ее глаза, и будет находиться безоружный враг.

Утром я рассказал своим воинам о повелении Великого Духа. Вместе с одним из них мы спустились в лощину, которая вела к ручью, и вскоре вышли к строящемуся на холме форту. Я увидел там множество людей. Со всей возможной осторожностью мы проползли, скрываясь в траве, под самым холмом и достигли берега ручья. Там лежало поваленное дерево и у его вершины я увидел змею, которая, подняв голову, смотрела на противоположный берег ручья. Я осторожно приподнялся и увидел, что на той стороне, почти против меня, прогуливаются под руку два безоружных офицера. Они пошли было в сторону форта, однако вскоре вернулись и зашагали к тому месту, где скрывались мы, но не дошли до него. Пройди они чуть дальше, участь их была бы решена наши винтовки были наготове. Перейдя ручей, мы спрятались в кустах на берегу. Я снова поднялся, чтобы посмотреть, не идут ли они обратно, но они направились в форт и тем самым спасли себе жизнь.

Мы снова перешли ручей и я стал возвращаться той же лощиной. Мой же товарищ двинулся вниз по течению ручья. Поднимаясь на холм, я мог видеть работающих солдат, а у подножья холма, там, где ручей впадал в реку, прохаживающегося часового. К нему подбирался мой воин, и я, затаив дыхание, стал следить за ними. Часовой все время ходил из стороны в сторону, но вдруг остановился и посмотрел туда, где скрывался воин. Тот замер и лежал, не шелохнувшись, в траве, но как только часовой отвернулся, чтобы продолжить свой путь, раздался выстрел и он упал. Я посмотрел в сторону форта и увидел, что там царит смятение, — солдаты забегали в разных направлениях, некоторые бросились вниз по крутому берегу к лодкам. В это время мой товарищ присоединился ко мне и мы вместе вернулись к отряду. Сразу же снялись мы с места и вскоре благополучно возвратились

в свою деревню на реке Рок. Там я повесил свой амулет и убрал подальше ружье и копье — мне больше не хотелось затевать войну с белыми, пока они сами не вызовут меня на это. До весны не случилось ничего примечательного, кроме того, что форт за порогами был покинут американцами и сожжен.

Вскоре после моего возвращения с зимней охоты мы получили известие, что англичане заключили мир с американцами и от нас требуется то же самое, для чего нас приглашают в Портаж-де-Сиу[22]. Мнения разделились: одни советовали нам идти, другие были решительно против. На-майт, наш главный вождь, решил идти, как только с Майнса подойдут фоксы. Они пришли, и все вместе мы отправились в путь. Однако на полдороге наш вождь заболел и мы вынуждены были остановиться в селении на реке Гендерсон. Фоксы пошли дальше и мы собирались последовать за ними, как только нашему вождю станет лучше. Однако ему становилось все хуже и хуже, и вскоре он умер. Главным вождем стал его брат. Он отказался идти дальше, заявив, что опасается, как бы его не постигла судьба брата. Такое опасение было вполне обосновано, и мы решили повернуть обратно.

Фоксы, вернувшись, рассказали нам, что они выкурили трубку мира с американцами и те, вероятно, пойдут на нас войной, потому что мы так и не явились. Этому я не поверил — ведь американцы всегда терпели поражение при столкновениях с нами.

Осенью у нас в деревне появился Ла Гатри и другие английские торговцы. Он велел нам идти и заключить мир-таково было желание нашего английского отца. Он также посоветовал нам идти на зиму в Двуречье[23]: там никто не охотился уже несколько лет и дичь водилась в изобилии. Узнав, что в Рапидс-де-Мойн прибыл главный американский военачальник с войсками, чтобы построить там форт, мы решили пойти туда вместе с торговцами и объяснить, почему мы не смогли прийти раньше. У порогов торговцы оставили все свои товары и лодки, кроме той, на которой они отвезли нас к американцам. Мы посетили их военачальника (он расположился на борту судна) и рассказали ему, что нам помешало появиться раньше. Вид у него был очень рассерженный и он долго говорил что-то Ла Гатри. Я спросил у торговца, что сказал ему начальник, и узнал, что тот грозился повесить Ла Гатри на рее своего корабля.

«Но ему не испугать меня», — заметил торговец. — «Он не посмеет исполнить свою угрозу. Как британский подданный, я сделал все, что мог».

Тогда я обратился к военачальнику с просьбой разрешить нам

и меномони[24] охотиться в Двуречье. Он согласился, но велел нам уйти оттуда до ледостава, чтобы мы не зимовали под самым фортом. Под конец он спросил, зачем с нами идут меномони. Я не знал, что ответить, и сказал, что у них много красивых скво[25] и поэтому мы хотим, чтобы они шли с нами. На это он ничего не возразил. Мы все отправились вниз по реке и оставались там всю зиму, как и намеревались вначале. Охота была удачной. Торговцы доверху загрузили лодки нашей пушниной и направились в Макинак, мы же вернулись в свою деревню.

В свое время я забыл упомянуть об одном обстоятельстве, касающемся моего друга Гомо, вождя племени поттоватоми. Как-то раз, когда он гостил у меня на реке Рок, я услыхал от него следующую историю:

«В Пеории сейчас очень хороший военачальник: он всегда говорит правду и не притесняет наших людей. Однажды он послал за мной и, посетовав, что провизия у него на исходе, попросил меня послать людей поохотиться для форта. Пообещав ему это, я сразу же возвратился в лагерь и передал нашим людям пожелание военачальника. Они с радостью согласились помочь нашему другу и вскоре вернулись с двадцатью оленями, которых и положили у ворот форта. Через несколько дней я вновь отправился в форт. чтобы узнать, довольно ли им принесенного мяса. Мне дали пороха и свинца и попросили продолжить охоту. Вернувшись в лагерь, я сказал, что военачальник требует еще мяса. Тогда Ма-та-та, один из моих лучших воинов, предложил идти за Иллинойс, где много дичи и можно хорошо поохотиться для нашего друга. Он взял с собой восемь охотников, с ними пошли также его жена и другие скво. На полпути к месту охоты они увидели белых людей, гнавших им навстречу стадо. Не подозревая об опасности (иначе они не стали бы попадаться на глаза белым), Ма-та-та свернул со своего пути, чтобы встретиться и поговорить с бледнолицыми. Как только те увидали наш отряд, они во весь опор поскакали ему навстречу. Ма-та-та отдал им свое ружье и попытался объяснить, что идет охотиться для американского военачальника и не имеет никаких враждебных намерений. Однако его речь была прервана выстрелами; которые ранили его. Чтобы не быть затоптанным лошадьми, Ма-та-та укрылся за обломившейся веткой дерева. Снова грянули выстрелы и на этот раз он был ранен по-настоящему серьезно. Ма-та-та понял, что сейчас будет убит (если уже не был смертельно ранен), и, бросившись на ближайшего к нему бледнолицего, вырвал у него ружье и застрелил его. Потом он упал, обливаясь кровью, и тотчас же умер.

Напуганные судьбой своего товарища, остальные охотники

попытались спастись бегством. Белые стали преследовать их и перебили почти всех. Известие об этом мне принес мой младший брат, который был среди охотников, но получил лишь небольшую рану. Он рассказал, что белые побросали свой скот и вернулись в поселок. Остаток ночи мы провели, оплакивая наших несчастных товарищей.

Наутро я выкрасил себе лицо черной краской и отправился к военачальнику в форт. Встретив его у ворот, я рассказал обо всем, что произошло. Он изменился в лице, и я увидел, что он искренне опечален гибелью наших людей. Потом он стал уверять меня, что я, должно быть, ошибся, так как не мог поверить, что белые люди могут поступать столь жестоко. Но когда мне удалось убедить его, он сказал, что презренные трусы, убившие моих людей, будут наказаны. На это я ответил ему, что наши люди сами отомстят за все, и пусть он не беспокоится об этом — ни он, ни его солдаты ни в чем не виноваты. Мои воины отправятся на Уобаш и отомстят за смерть своих друзей и родных. На следующий день мы подстрелили нескольких оленей и оставили их у ворот форта».

На этом Гомо закончил свой рассказ. Я мог бы привести множество подобных историй, очевидцем которых мне приходилось быть, но не хочу вызывать из прошлого горькие воспоминания. Итак, я возвращаюсь к своему повествованию.

Когда главный военачальник в Сент-Луисе вновь пригласил нас подписать договор о мире, мы, не колеблясь, отправились в путь, чтобы выкурить с ним трубку мира. По случаю нашего прибытия белые вожди устроили большой совет. Они передали нам слова Великого Отца, который обвинил нас в ужасных преступлениях и дурном поведении и, прежде всего, в том, что мы не явились, когда нас пригласили в первый раз. Хорошо зная, что Великий Отец обманул нас и тем самым вынудил примкнуть к англичанам, мы не могли поверить, что это действительно его слова. Как военный вождь я не мог говорить, но другие наши вожди стали настаивать на том, что все сказанное — ложь и Великий Отец не мог вести такие речи, зная, что он сам поставил нас в затруднительное положение. Белые вожди были очень рассержены таким ответом и заявили, что если мы будем наносить им оскорбления, они разорвут договор и пойдут на нас войной.

Наши вожди и не собирались оскорблять их, они просто хотели объяснить, что все сказанное не может быть правдой. Точно так же, как это делают белые, когда чему-нибудь не верят. После того, как мы все растолковали, совет продолжился и была раскурена трубка мира.

Тогда я впервые прикоснулся гусиным пером к договору, не подозревая, что тем самым я добровольно отказываюсь от своих земель. Знай я тогда, к чему это приведет, никогда бы не подписал такого договора. И мое последующее поведение целиком это подтверждает.

Что мы знаем о законах и обычаях белых людей? Они могут купить наши тела, чтобы изрезать их, а мы подпишем об этом договор, не зная, что творим. Именно так и произошло, когда мы впервые взяли в руки гусиные перья.

У нас с белыми, как мне кажется, совершенно разные представления о добре и зле. Белые могут поступать плохо всю жизнь, но стоит им только раскаяться в содеянном перед смертью, как они получают прощение сразу за все. У нас совсем по-другому: всю жизнь мы должны поступать так, как велят нам наши представления о добре. Если у нас есть кукуруза и мясо, и мы знаем, что есть семья, у которой этого нет, мы обязательно должны поделиться с ней. Если у нас больше одеял, чем нам нужно, а у других их не достает, мы отдаем им излишек. Но о нашей жизни и обычаях я расскажу немного позже.

Расставшись с белыми вождями вполне по-дружески, мы отправились в свою деревню на реке Рок. Там мы обнаружили, что на Рок-Айленд прибыли войска и собираются там строить форт. По нашим понятиям, это противоречило тому, к чему нас призывали, и означало «подготовку к войне в мирное время». Однако мы не стали возражать против строительства форта, хотя и были порядком расстроены, так как это был лучший остров на Миссисипи, который много лет служил летним прибежищем для нашей молодежи. Там был наш сад (не хуже, чем у белых людей в их больших селениях), где мы собирали землянику, чернику, крыжовник, сливы, яблоки и орехи. На порогах, которые окружали остров, мы ловили замечательную рыбу. В юности я провел на нем много счастливых дней. Остров охранял добрый дух, который жил в пещере среди скал, как раз рядом с тем местом, где сейчас стоит форт. Наши люди часто видели его: он был весь белый, с крыльями, как у лебедя, но раз в десять больше. Мы старались не шуметь в той части острова, где он обитал, чтобы не тревожить его. Но шум при строительстве форта спугнул его, и ничего удивительного, что его место занял злой дух.

Наша деревня находилась на северном берегу реки Рок в излучине между Рок и Миссисипи. Перед ней до самых берегов Миссисипи простирались прерии, а позади возвышался пологий холм. По склону холма вдоль Миссисипи тянулись наши кукурузные поля, поднимаясь вверх мили на две. Они граничили с землями фоксов, чья деревня располагалась в трех милях от

нашей на берегу Миссисипи против нижней оконечности Рок-Айленда. У нас было около восьмисот акров вспаханной земли, включая острова на реке Рок. Вокруг деревни раскинулись прекрасные пастбища, поросшие мятликом. Из холма било несколько ключей, в которых мы брали воду. Пороги на реке Рок изобиловали рыбой, а тучная земля всегда приносила нам хорошие урожаи кукурузы, бобов, тыквы и кабачков. Всего у нас было вдоволь, дети наши никогда не плакали от голода и мы давно забыли, что такое нужда. Деревня наша стояла здесь уже более трехсот лет и все это время мы безраздельно владели долиной Миссисипи от Висконсина до Портаж-де-Сиу в устье Миссури на протяжении около семисот миль.

В те времена мы почти не имели дела с белыми, за исключением торговцев. Деревня наша процветала и трудно было найти в том краю более благодатное место и лучшие охотничьи угодия. Если бы в те дни к нам в деревню явился еще один пророк и предсказал то, что случилось позднее, никто не поверил бы ему. Как можно! Изгнать нас с наших собственных земель, запретив даже приходить на могилы предков, родных и близких.

Белым не понять, какое это несчастье для нашего племени. У нас существует обычай приходить на могилы своих близких и поддерживать их в порядке много лет. Мать приходит поплакать в одиночестве на могиле ребенка. После успешного похода воин является на могилу отца, чтобы заново раскрасить могильный столб. В горе мы всегда приходим туда, где лежат кости наших предков. Там Великий Дух являет нам свою милость.

Но как же изменилась наша жизнь с тех пор! Тогда мы были счастливы, как бизоны на бескрайних равнинах, сейчас же мы подобны угрюмым волкам, чей голодный вой разносится над прериями. Но я опять отклонился от темы моего повествования. Сердце мое переполняют горькие чувства, которые ищут и не находят исхода.

Возвратившись в деревню после зимней охоты, мы обычно производили окончательный расчет с торговцами, всегда приходившими в это время. Мы нарочно приберегали лучшие меха для этой сделки. Среди торговцев постоянно царило соперничество, и мы всегда получали нужные нам товары задешево. По завершении мены торговцы обычно подносили нам несколько бочонков рома, обещанных еще с осени, чтобы мы с большим желанием ходили на охоту, чем на войну. Потом, нагруженные шкурами и пушниной, торговцы отправлялись по домам, а наши старички позволяли себе немного повеселиться (в те времена молодые воины никогда не прикасались к вину). Следующим важным делом было погребение мертвых, то есть всех

тех, кто умер в течение года. Это очень важный и торжественный обряд. Родственники умерших раздают друзьям все свое имущество, ввергая себя в нищету. Этим они показывают Великому Духу свое смирение, надеясь, что он сжалится над ними. Потом мы открываем свои кладовые и достаем кукурузу и другую провизию, которая лежала там с осени. После этого приступаем к починке вигвамов. Как только с этой работой покончено, начинаем расчищать поля под кукурузу и чинить ограды вокруг участков. Посадкой кукурузы занимаются женщины. Мужчины в это время пируют, угощаясь сушеной олениной, медвежьим мясом, дикой птицей и различными яствами, приготовленными из кукурузы. За едой они рассказывают друг другу, как прошла зима.

Когда женщины покончат с кукурузой, мы устраиваем праздник, на котором исполняется пляска журавля. В ней участвуют и женщины, одетые в лучшие свои наряды и украшенные перьями. На этом празднике молодые воины выбирают себе будущих жен. После юноша рассказывает о своем выборе матери, та идет к матери девушки и они договариваются обо всем и назначают время, когда юноша должен прийти в дом невесты. Он приходит в ее вигвам, когда все спят (или притворяются, что спят), зажигает спички, нарочно оставленные для этой цели, и вскоре находит место, где спит его избранница. Он будит ее и освещает свое лицо, чтобы она узнала его, а затем подносит огонь к ее лицу. Если девушка задует огонь, церемония заканчивается и утром юноша появляется в вигваме уже как член семьи. Если же она оставит огонь непогашенным, юноша покидает вигвам. Однако на следующий день он вновь появляется у ее дома и начинает играть на флейте. Молодые женщины по одной выходят из вигвама, чтобы посмотреть, для кого он играет. При их появлении юноша меняет мелодию, чтобы показать, что его игра предназначена не для них. Когда же у выхода появляется его избранница, юноша продолжает наигрывать ту же любовную мелодию до тех пор, пока она не возвратится в вигвам. Тогда он прекращает игру и ночью предпринимает еще одну попытку, которая обычно увенчивается успехом.

В течение первого года совместной жизни супруги решают, смогут ли они поладить друг с другом и жить счастливо. Если нет — они расстаются и каждый снова ищет себе друга жизни. Жить вместе и ссориться— так глупо могут поступать только белые. Даже самое необдуманное поведение не лишает женщину права жить под родительским кровом. Сколько бы детей ни привела она домой, ей всегда будут рады и тотчас же на огне весело закипит котел, чтобы накормить их всех.

Пляска журавля длится два-три дня, а затем следует еще один праздник, на котором исполняется обрядовый танец нашего племени. Для этой цели в деревне расчищается большая квадратная площадка. Вожди и старые воины садятся на циновки в верхней части площадки, барабанщики и певцы становятся рядом, а воины и женщины располагаются по ее сторонам, оставляя в середине свободное пространство. Раздается бой барабанов, и певцы заводят песню. На площадку выходит воин, двигаясь в такт музыке. Он изображает свою схватку с врагом: вот он подкрадывается к противнику, наносит удар и поражает его. Все хлопают в ладоши в знак одобрения. Потом его место занимает другой воин. Юноши, ни разу не побывавшие в военном походе, стоят пристыженно в стороне — они не имеют права войти в круг. Помню, как сам я не осмеливался даже взглянуть в ту сторону, где стояли женщины, пока не получил право входить в круг, как настоящий воин.

Какая радость для старого воина увидеть, как его сын выходит вперед и рассказывает в танце о своих подвигах. Он снова чувствует себя молодым и сам вступает в круг, чтобы еще раз пережить свои былые победы.

Танец племени воспитывает настоящих воинов. Прошлым летом, когда я плыл на пароходе по большой реке из Нью-Йорка в Олбани, мне показали место, где американцы исполняют свой национальный танец (Уэст-Пойнт). Старые воины рассказывают в танце о своих былых подвигах, побуждая молодежь брать с них пример. Это весьма удивило меня — я не ожидал, что белые воспитывают своих воинов так же, как и мы.

Когда заканчиваются весенние праздники, наступает время рыхлить и полоть кукурузу, и как только стебли поднимутся до высоты колена, все молодые мужчины племени уходят в ту сторону, где садится солнце, чтобы начать охоту на оленей и бизонов, не упуская при этом случая настигнуть и сиу, если те окажутся в наших местах охоты. Часть стариков и женщины отправляются на свинцовые копи, а остальные уходят ловить рыбу и плести циновки. Все покидают деревню и она пустует около сорока дней. Потом люди начинают возвращаться домой. Охотники приносят сушеное оленье и бизонье мясо, а иногда и скальпы сиу, если те имели неосторожность вторгнуться в наши охотничьи угодья. Бывает и так, что наши охотники наталкиваются на отряд сиу, значительно превосходящий их в силе, и тогда принуждены бывают отступить. Если в последней стычке были убиты саки, то сиу, ожидая мести, будут при встрече с ними спасаться бегством, и наоборот. Каждая из сторон знает, что противник имеет право мстить, и поэтому при встрече

отступают те, кто в прошлый раз поразил врага. Только месть за родственников может побудить к смертельной схватке. Вражда между родственниками убитых и вторжение в чужие места охоты — вот основные причины наших войн.

Возвратившиеся из копей приносят свинец, а остальные — сушеную рыбу и циновки для зимних вигвамов. Каждая группа преподносит другим свои подарки. Охотники дарят сушеное оленье и бизонье мясо, а взамен получают свинец, сушеную рыбу и циновки.

Наступает самое лучшее время в году, когда у нас всего бывает вдоволь: вырастают бобы и кабачки, запасены сушеное мясо и рыба. Все лето до самого созревания кукурузы мы пируем, веселимся и ходим друг к другу в гости. Некоторые семьи ежедневно устраивают празднества, чтобы почтить Великого Духа. Боюсь, что белым людям это не совсем понятно, но у нас нет на этот счет каких-то определенных правил. Чтобы восславить Великого Духа, в чьей власти находятся все живые существа, каждый может устроить свой собственный праздник. Некоторые верят, что есть два Духа — добрый и злой, и устраивают праздники для злого, чтобы умилостивить его. Ведь Добрый Дух и так их не обидит. Сам я считаю, что наш разум должен помогать нам отличать дурное от хорошего. Мы призваны следовать по тому пути, который нам кажется правильным, и не сомневаться в его истинности. Если бы Великий и Добрый Дух пожелал, чтобы мы думали и поступали, как белые, он бы с легкостью изменил наши взгляды, и мы перестали бы отличаться от них. Ведь его могущество безгранично и мы знаем об этом, и можем ощущать это на каждом шагу. Среди нас есть люди, которые, подобно бледнолицым, притворяются, будто знают верный путь, но никогда не укажут его бескорыстно. Я не верю их знанию и считаю, что каждый человек должен прокладывать свой собственный путь.

Когда подходит время созревания кукурузы, наша молодежь с нетерпением ожидает сигнала к началу сбора початков, — до этого никто не смеет прикоснуться к ним. Сбор кукурузы сопровождается большим праздником, на котором мы возносим благодарность Великому Духу.

Здесь я расскажу, как у нас появилась кукуруза. Как гласит предание, двое охотников нашего племени сидели как-то раз у костра и жарили мясо убитого ими оленя. Вдруг они увидели, как с облаков на землю слетела прекрасная женщина. Охотники были весьма изумлены ее появлением и решили, что она, должно быть, голодна и почувствовала запах мяса. Приблизившись, они поднесли ей кусок жареной оленины. Она съела его и велела им

прийти на это место в конце года, и тогда они будут вознаграждены за свою доброту и щедрость. Потом она вознеслась к облакам и исчезла. Возвратившись в деревню, охотники рассказали, что с ними произошло, но люди только посмеялись над ними. Когда настало время, назначенное прекрасной женщиной с облаков для получения награды, охотники отправились к этому необыкновенному месту с большим отрядом. Там, где земли коснулась ее правая рука, росла кукуруза, там, где земли коснулась ее левая рука, росли бобы, а там, где она сидела, вырос табак.

С тех самых пор кукуруза и бобы стали нашей главной пищей, а табак мы приспособили для курения. Табак пришелся по вкусу и белым людям и они употребляют его самым различным способом — и курят, и нюхают, и жуют.

Мы благодарны Великому Духу за все блага, которыми он одарил нас. Сам я и глотка воды не выпью без того, чтобы не вспомнить о его благодеяниях.

Позже мы устраиваем большую игру в мяч — в ней обычно принимает участие от трехсот до пятисот человек с каждой стороны. Мы играем на лошадей, ружья, одеяла и иное свое имущество. Выигравшая сторона забирает заклад и все мирно расходятся по вигвамам.

У нас также бывают скачки и так мы предаемся играм и развлечениям, пока не будет собрана вся кукуруза. Тогда мы начинаем готовиться к охоте. В это время приезжают торговцы и дают нам в долг одежду для наших семей и все необходимое для охоты. Сначала мы, правда, договариваемся с ними о ценах, по которым они будут покупать нашу пушнину и продавать нам свои товары. Мы указываем им место своей предстоящей охоты и говорим, где они должны построить свои фактории. Там мы оставляем стариков и часть кукурузы. Торговцы относятся к ним с большим почтением и всегда помогают в случае нужды. Торговцы издавна пользовались уважением у нас в народе и не было случая, чтобы хоть один из них был убит людьми нашего племени.

На охоту мы ходим обычно маленькими партиями и по завершении ее приносим шкуры в факторию и остаемся там, коротая время за картами и другими играми, почти до самого конца зимы. Затем наши юноши отправляются охотиться на бобров, кто-то идет добывать енотов и ондатр, а остальные уходят варить сахар. Все покидают факторию, предварительно договорившись о месте встречи на Миссисипи. Оттуда мы все вместе возвратимся весной в деревню.

Варка сахара всегда была для нас приятным занятием. Дичи в

это время бывает много и мы живем, ни в чем не нуждаясь, и даже закатываем пиры, когда на сахароварню приходят охотники. Весной мы возвращаемся в деревню, а иногда с нами туда приходят и торговцы. Вот так мы и жили год за годом. Но увы! Те счастливые времена давно прошли.

Возвратившись весной с охоты, я с радостью узнал, что мой старый приятель, торговец из Пеории, пожаловал на Рок-Айленд. Он приплыл на лодке из Сент-Луиса, но уже не как торговец, а как наш агент. Мы были очень рады его видеть. Он рассказал нам, как едва не попал в лапы Диксону. Мой приятель пробыл у нас совсем немного времени, и, дав на прощанье несколько дельных советов, возвратился в Сент-Луис.

Летом в ответ на грабительские набеги сиу мы разослали несколько военных отрядов и им удалось убить четырнадцать человек из этого племени. В течение лета я несколько раз приходил в форт Армстронг и неизменно находил там теплый прием. Однако в деревне у нас было не все в порядке. Наши люди стали больше пить. Я попытался употребить все свое влияние, чтобы остановить пьянство, но ничего не смог поделать. Чем ближе подходили к нам поселки белых людей, тем хуже становился наш народ. Многие из нашего племени, вместо того, чтобы идти на свои старые охотничьи места, где дичь водилась в изобилии, охотились рядом с поселками белых и не сохраняли добытые меха, чтобы расплатиться с торговцами за товары, а отдавали их поселенцам в обмен на виски, так что весной их семьи возвращались в деревню чуть ли не голыми и без всяких средств к существованию.

Как раз в это время заболел и умер мой старший сын. Он всегда был хорошим и послушным сыном и уже вступал в возраст взрослого мужчины. Вскоре после этого умерла и моя младшая дочь, забавная и милая девочка. Я очень любил своих детей, и для меня их смерть была тяжелым ударом. В горе покинул я нашу шумную деревню и поставил свой вигвам на холме посреди кукурузного поля. Вигвам я обнес изгородью, а вокруг посадил кукурузу и бобы. Здесь наша семья и поселилась в полном одиночестве. Я раздал все свое имущество и жил в нищете. Единственной моей одеждой была рубаха из бизоньей кожи. Оплакивая потерянных детей, я два года покрывал черной краской лицо и постился — пил только воду и на закате дня съедал немного вареной кукурузы, надеясь таким образом умилостивить Великого Духа.

В то время у нас осложнились отношения с племенем айова, несмотря на наше желание жить с ними в мире. Когда наши воины убивали кого-нибудь из айова, мы всегда преподносили

богатые подарки родственникам убитого, чтобы сохранить добрые отношения с этим племенем. Но на последнем совете с ними мы дали обещание, что, если кто-нибудь из их людей будет убит нашими воинами, мы вместо подарков выдадим им того, кто в этом убийстве повинен. Несмотря на то, что мы известили об этом решении все племя, следующей же зимой наш юноша убил одного из айова.

Немедленно в нашей деревне был собран отряд, чтобы привести к айова виновного. Я согласился идти с ними. Когда мы были готовы выступить, я зашел в вигвам за юношей. Он был болен, но выразил готовность идти с нами. Однако его брат стал возражать и вызвался принять наказание вместо него, поскольку сам виновник был не в состоянии проделать такой большой путь. Семь дней мы были в дороге, пока наконец не достигли деревни племени айова. Не доезжая до нее, мы остановились и сошли с лошадей. Попрощавшись с нами, молодой воин один вошел в деревню, распевая песню смерти, и сел на площади посередине деревни. К нам вышел один из вождей айова. Мы сказали ему, что выполнили свое обещание: привели к ним брата того юноши, который убил одного из их людей. Сам виновник болен и не может двигаться, поэтому за него вызвался идти его брат. Не вступая в дальнейший разговор, мы сели на лошадей и поскакали прочь. Когда мы отъезжали, я бросил последний взгляд на деревню и увидел, как с копьями и палицами из вигвамов выбегают воины айова. Мы отправились в обратный путь и ехали, не останавливаясь, до самого вечера. Не успели мы разбить лагерь и развести костер, как послышался приближающийся конский топот. Мы схватились за оружие, ожидая схватки с врагом, но вместо этого увидели нашего молодого воина с двумя лошадьми. Он рассказал, что после того, как мы оставили его, айова сначала стали угрожать ему смертью, но потом накормили, выкурили с ним трубку, подарили двух лошадей и разные товары и отпустили домой. Когда мы приехали в деревню, все люди племени были очень рады такому исходу. Благородство и щедрость айова настолько поразили нас всех, что с тех пор ни один человек из их племени не пострадал от нашего народа.

Осенью я с небольшим отрядом направился в Молден, где нас радушно встретил наш английский отец и преподнес нам множество даров. Он также вручил мне медаль, сказав при этом, что никогда более англичане не будут воевать с американцами. Но в знак благодарности за нашу верность англичанам в прошлой войне он будет и впредь каждый год преподносить нам подарки, как в свое время обещал мне полковник Диксон.

Той зимой я охотился в Двуречье. Белые быстро заселяли эту

местность. Однажды, когда я охотился в долине реки, мне повстречались трое бледнолицых. Они стали обвинять меня в том, что я убил их свиней. Я отрицал это, но они не слушали меня. Один из них выхватил у меня из рук ружье, разрядил его и вытащил кремень. Отдав ружье, они велели мне убираться и стали избивать палками. Я был весь в синяках и не мог спать несколько ночей.

Спустя некоторое время после этого происшествия один из людей моего лагеря срубил борть и принес мед в свой вигвам. Скоро появилось несколько белых, которые заявили, что это их борть и он не имел права ее срубать. Тогда мой человек отдал им мед, но этого им показалось мало и они унесли шкуры, которые он собирал всю зиму, чтобы расплатиться с торговцем и одеть свою семью весной.

Разве можно было любить людей, которые относились к нам столь несправедливо? Мы решили снять свой лагерь, чтобы с нами не произошло чего-нибудь похуже. Когда весной мы снова собрались вместе, многие жаловались на подобное к ним отношение.

Летом на Рок-Айленд приехал наш агент. Он относился к нам очень по-дружески и давал разумные советы. В течение лета я часто навещал его и торговца и тогда впервые услышал разговоры о нашем выселении из родной деревни. Торговец объяснил мне, что в соответствии с условиями заключенного нами договора мы должны покинуть земли на Миссисипи со стороны Иллинойса. Он посоветовал нам выбрать другое место для своей деревни и перебраться туда весной. Если мы останемся в своей деревне на реке Рок, нас ожидают большие неприятности. Пользуясь своим большим влиянием на главного вождя фоксов, который был его сводным братом, торговец убедил его оставить свою деревню и переселиться на западный берег Миссисипи, что тот и сделал следующей весной.

Тогда только и разговору было, что о нашем переселении. Ке-о-кука удалось склонить к согласию, и он употреблял все свое влияние, чтобы заставить народ последовать за ним. Командир форта Армстронг, наш агент и торговец с Рок-Айленда всячески помогали ему в этом. Ке-о-кук послал в деревню глашатая, чтобы тот объявил нашему народу, что он должен исполнить волю Великого Отца и покинуть западный берег Миссисипи. Новую деревню он предложил построить на Айове и настаивал, чтобы это было сделано до начала зимней охоты, так чтобы весной уже не было необходимости возвращаться на старое место.

Противники переселения стали спрашивать мое мнение — и я высказал его. Кваш-ква-ме уверил меня, что он никогда не давал

своего согласия на продажу наших земель. Я решил поддержать тех, кто возражал против переселения, и мы высказались против намерений Ке-о-кука, полные решимости не покидать свою деревню. Я переговорил с Ке-о-куком, чтобы выяснить, нельзя ли будет уладить это дело с Великим Отцом, и посоветовал ему предложить любые другие земли (даже наши свинцовые копи), только бы нам разрешили сохранить за собой небольшой участок, где стоит наша деревня и простираются наши поля.

Тогда я считал, что у белых достаточно земли, и они не станут отнимать у нас деревню. Ке-о-кук пообещал договориться о замене и обратился к нашему агенту и главному начальнику в Сент-Луисе, которому подчинялись все агенты, за разрешением поехать в Вашингтон, чтобы повидать Великого Отца и все уладить. Мы успокоились на некоторое время и отправились в места охоты в надежде, что нам пойдут навстречу.

Зимой я узнал, что в нашу деревню приехали три семьи бледнолицых, сломали часть наших вигвамов и стали возводить изгороди, чтобы поделить наши поля между собой. При этом они отчаянно ссорились из-за раздела. Я немедленно отправился на Рок и через десять дней пути обнаружил, что сведения эти были верны. Мой вигвам был занят белой семьей. Я хотел поговорить с ними, но они не понимали меня. Тогда я пошел на Рок-Айленд и сообщил переводчику (агента не было на месте) то, что собирался сказать этим людям: они не должны селиться на этой земле и ломать наши вигвамы и изгороди — в этой стране достаточно других мест, где они могут обосноваться — они должны покинуть нашу деревню, потому что весной мы возвратимся в нее. Переводчик написал мне бумагу и я отправился назад в деревню и показал ее пришельцам, однако не понял, что они ответили мне. Тем не менее, я ожидал, что они внимут моей просьбе и уйдут. Вернувшись на Рок-Айленд, я имел долгий разговор с торговцем. Он опять советовал мне уступить и построить деревню на Айове, как это собирался сделать Ке-о-кук. Я ответил ему отказом.

На следующее утро я переходил Миссисипи по очень тонкому льду, однако Великий Дух сделал его таким прочным, что я вполне благополучно добрался до берега. Я проделал трехдневный путь, чтобы увидеть агента виннебагов и поговорить с ним о наших затруднениях, однако он обрадовал меня не больше, чем наш торговец. Тогда я решил идти к пророку, так как верил, что ему дано знать и понимать многое. Когда мы встретились, я рассказал ему о наших неприятностях, ничего не скрывая. Он сразу же поддержал меня и велел ни в коем случае не отдавать деревню белым, чтобы спасти могилы наших предков от

разорения. Он сказал, что если мы останемся в своей деревне, белые не тронут нас, и посоветовал мне уговорить Ке-о-кука и его сторонников не ходить весной на Айову, а вернуться в нашу деревню.

После месячного отсутствия я вернулся в наш охотничий лагерь и рассказал обо всем, что видел и слышал. Вскоре мы уже подходили к своей деревне. Там мы обнаружили, что белые не только не покинули ее, а наоборот, к ним присоединились новые поселенцы и большая часть наших полей уже огорожена ими. Белые были очень недовольны нашим возвращением. Мы, тем не менее, начали чинить свои старые вигвамы и ставить новые. Вернулся Ке-о-кук и стал по-прежнему звать нас на Айову. Он ничего не добился в Вашингтоне и нам не разрешили ни остаться, ни отдать взамен другие земли. Мы больше не были друзьями. Я считал, что только трус способен так легко уступить свою деревню пришельцам. Какое право имели эти люди захватывать деревню и поля, принадлежащие нам по воле Великого Духа?

Мой разум говорил мне, что землю нельзя продавать. Великий Дух дал ее своим детям, чтобы они жили на ней и обрабатывали ее ради своего пропитания. И они имеют права на те земли, где они живут и трудятся. Если же они добровольно покинут свои земли, другие люди имеют право прийти и занять их. Продается только то, что можно унести с собой.

После того, что пришельцы сделали с нашими полями, мы с большим трудом могли отыскать свободный клочок земли, чтобы посадить хоть немного кукурузы. Несколько белых поселенцев разрешило нам засадить небольшие участки на огороженных ими полях, оставив себе все лучшие земли. Наши женщины, непривычные к их изгородям, постоянно мучались, перелезая через них, а если им случалось сбить перекладину, на них обрушивался гнев поселенцев.

Одному из моих старых друзей повезло. Его поле находилось на маленьком острове посреди реки. Он засадил его кукурузой и она дружно взошла. Но вскоре этот остров попался на глаза белому поселенцу и он, перепахав кукурузу, засеял его для себя. Старик горько плакал — ведь он знал, какие бедствия ожидают его семью, если она останется без кукурузы.

Белые люди привезли с собой виски и спаивали наших людей, выманивая у них лошадей, ружья и капканы. Их мошенничество достигло таких пределов, что я опасался серьезных осложнений, если этому не будет положен конец. Поэтому я обошел всех белых поселенцев, умоляя их не продавать виски нашим людям. Тем не менее, один из них продолжал это делать открыто. Прихватив с собой несколько воинов, я пришел к

нему в дом и, выбив дно у бочонка, вылил все его виски. Я сделал это из опасения, что мои люди, напившись пьяными, могут убить кого-нибудь из белых. Белые поселенцы относились к нам очень плохо. Один из них жестоко избил нашу женщину только за то, что она сорвала несколько побегов кукурузы на его поле, чтобы утолить голод. В другой раз наш юноша был избит дубинками за то, что снял изгородь с дороги, чтобы провести свою лошадь. У него была сломана ключица и все тело покрыто синяками. Вскоре он умер.

Однако ни один белый не пострадал от моих людей, несмотря на всю их жестокость по отношению к нам. Полагаю, это было достаточным свидетельством нашего миролюбия. Мы позволили, чтобы какие-то десять человек завладели нашими полями, не давали нам сажать кукурузу, обижали наших женщин и забивали до смерти наших мужчин, не встречая сопротивления своей варварской жестокости. Белые могли бы поучиться у нас, как терпеливо сносить обиды.

Мы постоянно ставили в известность нашего агента, а через него и главного начальника в Сент-Луисе, обо всех своих невзгодах, надеясь, что они сделают хоть что-нибудь для нас. И в то же самое время белые поселенцы жаловались, что мы посягаем на их права! Они выставляли себя обиженной стороной, а нас — пришельцами, незаконно вторгнувшимися в чужие владения, и громко призывали главного военачальника защитить их собственность!

Как же коварен язык бледнолицых, если они могут добро обратить во зло, а зло выдавать за добро.

Летом я оказался на Рок-Айленде в то время, когда туда приехал очень большой начальник (мне он был известен как главный начальник Иллинойса) губернатор Коул. С ним был другой начальник, который, как мне сказали, славился своим знанием законов (судья Дж. Холл). Я пришел к ним и попросил выслушать мой рассказ о притеснениях, которым подвергался мой народ, надеясь, что они смогут помочь нам. Однако большой начальник был не склонен беседовать со мной. Он сказал, что он больше не главный в Иллинойсе, — его дети избрали себе другого отца. Я был весьма изумлен этими словами, так как всегда знал его как честного, храброго и достойного вождя. Но белые люди никогда не бывают довольны. Если у них появится хороший отец, они созывают совет (мысль об этом подает обычно какой-нибудь дурной тщеславный человек, который сам метит на это место), на котором решают, что этот или какой-нибудь другой, не менее тщеславный, человек будет им лучшим отцом, чем тот, которого они имеют. И в девяти случаях из десяти они, конечно прогадывают.

Все же я настоял, чтобы эти двое выслушали меня. Свою речь я начал с договора, заключенного Кваш-ква-ме и тремя нашими воинами, представив его значение так, как мне объяснил торговец и другие белые. Затем я рассказал, что Кваш-ква-ме и его люди начисто отрицают, что они продали нашу деревню. И поскольку я знаю, что они никогда не лгут, то решил не отдавать ее никому.

Я рассказал, как белые люди приходят к нам в деревню, сжигают наши вигвамы, ломают изгороди на наших полях, перепахивают нашу кукурузу, избивают наших людей; что они принесли с собой виски, чтобы спаивать наших людей и выманивать у них лошадей, ружья и капканы; что, несмотря на все обиды, ни один из моих воинов не поднял руку на белого человека.

Я пришел сюда, чтобы два больших начальника посоветовали мне, как поступить. Напрасно раз за разом обращался я к агенту. Хорошо зная о нашем бедственном положении, главный начальник в Сент-Луисе вместо того, чтобы искать справедливого решения у нашего Великого Отца, как велит ему долг, продолжал повторять, что мы должны покинуть свои родные места, потому что там хотят жить белые поселенцы.

Я и подумать не мог, что Великий Отец захочет, чтобы мы покинули деревню, где прожили так долго и где покоились кости наших предков. На это большой начальник ответил, что, лишившись власти, он уже ничем не может помочь нам. Ему

очень жаль, но он даже не знает, что посоветовать нам. Они оба ничего не могли сделать для нас и выглядели очень опечаленными. Тем не менее, я всегда буду рад пожать им руку.

Осенью перед началом охоты я зашел к нашему агенту в надежде, что у него могут быть для меня хорошие новости. Новости, действительно, были! Он сказал, что земля, на которой стоит наша деревня, будет распродана поселенцам и после этого в соответствии с договором мы потеряем право на ней оставаться. Если мы опять вернемся, нас выселят силой!

Зимой мы узнали, что часть нашей земли уже распродана и самый большой участок куплен торговцем с Рок-Айленда. Теперь я понял, почему он так уговаривал нас уйти. Он хотел сам завладеть нашими землями. В течение зимы мы несколько раз собирали советы, чтобы решить, как поступить дальше, и на одном из них постановили возвратиться в деревню, как обычно. Мы рассуждали, что если нас станут выселять силой, в этом будут повинны торговец, агент и другие поселенцы. А в этом случае они заслуживают смерти! Торговец был первым в этом списке. Он купил землю, на которой стоял мой вигвам и находились могилы наших предков. Не-а-поуп поклялся убить всех тех, кто пытался изгнать нас из родных мест: торговца и агента, переводчика и главного начальника в Сент-Луисе, командира форта Армстронг, военачальника на Рок-Айленде и Ке-о-кука.

Наши женщины получили неутешительные вести от поселившихся в новой деревне: рыхлить мотыгой невозделанную землю прерий было очень тяжело и кукурузы удалось собрать совсем мало. Мы тоже не могли похвастаться хорошим урожаем и впервые за все времена нашим людям не хватало провизии.

Мне удалось убедить некоторых сторонников Ке-о-кука возвратиться весной в нашу старую деревню на реке Рок. Однако сам Ке-о-кук не вернулся туда. Меня не оставляла надежда, что нам разрешат пойти в Вашингтон и уладить это дело с нашим Великим Отцом. Когда я пришел к агенту на Рок-Айленд, он был очень недоволен нашим возвращением в деревню, и заявил, что мы должны убраться на западный берег Миссисипи. На это я ответил ему прямым отказом. Переводчик, которого я застал в его доме, посоветовал мне выполнить требование агента. От него я пошел к торговцу и стал упрекать его за то, что он скупил наши земли. На это он мне ответил, что, не купи их он, это сделал бы кто-нибудь другой, и если Великий Отец согласится на обмен с нами, он с готовностью вернет правительству всю приобретенную землю. Такое поведение нельзя было назвать бесчестным и я стал думать, что он не так уж плох, как нам казалось. Большая часть нашей деревни была сожжена и разрушена и нам пришлось

ставить новые вигвамы и основательно чинить старые. Женщины наши отыскали маленькие клочки земли, там где белые еще не успели поставить свои изгороди, засеяли их кукурузой и трудились, не покладая рук, чтобы вырастить хоть что-то для своих детей.

Мне сказали, что в соответствии с договором мы не имеем права оставаться на проданных землях и правительство может выселить нас силой. Однако продано было совсем немного земли и, поскольку большая часть ее все еще оставалась в руках у правительства, мы требовали, чтобы нам было предоставлено право «жить и охотиться на этих землях, пока они являются собственностью правительства», в соответствии с тем самым договором, в котором предусматривалось, что мы должны освободить землю только после того, как она будет продана. Мы хотели жить на этой земле и считали, что имеем на это полное право.

Прослышав, что на Уобаше сейчас находится большой начальник, я послал туда отряд, чтобы узнать о его мнении. Мои люди сообщили ему, что мы не продавали свою деревню. Он уверил их, что если мы не продали землю, на которой стоит наша деревня, Великий Отец никогда не отнимет ее у нас.

Побывал я и в Молдене у английского начальника. Он сказал то же, что и начальник на Уобаше. Надо отдать ему справедливость — его советы всегда были разумны. На этот раз он посоветовал мне обратиться к нашему американскому отцу, который, несомненно, поступит с нами по справедливости. Позже я разговаривал на эту тему с главным начальником в Детройте и получил от него такой же ответ. Он заявил, что если мы не продавали своей земли и будем жить на ней в мире, никто нас не тронет. Его слова окончательно убедили меня в своей правоте и я решил держаться до конца, как того ожидали от меня наши люди.

Из Молдена я возвратился уже поздней осенью. Все мои люди ушли в места охоты и я последовал за ними. Там я узнал, что все лето белые всячески притесняли их, и что в Прери-дю-Шейен заключен новый договор. Ке-о-кук и еще несколько наших были там и узнали, что наш Великий Отец обменял узкую полоску земли из той, что была уступлена Кваш-ква-ме и его товарищами, на участок земли около Чикаго, принадлежащий поттоватоми. Теперь он хочет получить его обратно, для чего и заключает договор, по которому Соединенные Штаты обязуются вечно выплачивать поттоватоми по шестнадцати тысяч долларов ежегодно за небольшую полоску земли, которая раз в двадцать меньше того участка, который был отобран у нашего народа за тысячу долларов в год. Этого я никак не мог понять. Они говорят,

что эта земля принадлежит Соединенным Штатам. Какой же тогда был смысл обменивать ее с поттоватоми, если она представляет такую ценность? Почему бы тогда не сохранить ее? Если же они поняли, что прогадали в этом обмене с поттоватоми, почему не возвратили себе землю по той же цене, которую они заплатили за нее нашему народу? Если за маленький клочок той земли, которую они забрали у нас за тысячу долларов в год, они готовы вечно платить поттоватоми по шестнадцать тысяч в год, то сколько же они должны нашему народу за землю в двадцать раз большую, чем этот клочок!

Образ мыслей белых людей уже не раз приводил меня в недоумение. Тогда же я впервые стал сомневаться, есть ли у них четкое представление о добре и зле.

С пророком я поддерживал тогда постоянную связь. Кроме того, были разосланы гонцы на Арканзас, Ред-Ривер и Техас. Это была секретная миссия, не связанная с нашими земельными осложнениями, о которой в настоящее время я не имею права говорить.

Мне доложили, что вожди фоксов были созваны в Прери-дю-Шейен на совет, чтобы разрешить какие-то разногласия, возникшие между ними и сиу. Девять вождей в сопровождении одной женщины отправились на место встречи, но около Висконсина на них напали меномони и сиу и перебили всех, кроме одного. Не буду подробно останавливаться на этом событии, так как о нем, вероятно, сообщалось в газетах и белые люди достаточно хорошо осведомлены об этом.

Надо сказать, что в последние два года мы забыли об играх и развлечениях. Народ наш раскололся на два лагеря. Один из них возглавлял Ке-о-кук, который готов был отречься от наших прав ради благосклонного отношения белых и трусливо уступить им деревню. Во главе второго стоял я, полный решимости отстаивать нашу деревню, несмотря на все приказы покинуть ее. Поскольку ни я, ни мои люди не участвовали в продаже нашей земли и, как утверждает договор, могли оставаться на ней, пока она принадлежала Соединенным Штатам, я был уверен, что нас нельзя изгнать оттуда силой. Поэтому я и отказывался покинуть свою деревню. Здесь я родился и здесь покоятся кости моих друзей и родных. С благоговением отношусь я к их могилам и никогда не оставил бы их по доброй воле.

Когда пред моим мысленным взором проходят картины юности и более поздних дней и я вспоминаю, что они разворачивались там, где издавна жили мои предки, которые ныне почиют под окрестными холмами, никакие доводы не могут заставить меня уступить эту землю белым.

Зима прошла в унынии. Охота была неудачной — у нас не хватало ружей, капканов и всего того, что белые люди выманили у нас в обмен на виски. Будущее не сулило нам ничего хорошего. Я стал поститься и взывать к Великому Духу, чтобы он направил меня на верный путь. Печаль не покидала меня — все белые, с которыми я дружил, давали мне советы, так сильно противоречившие моим собственным желаниям, что я стал сомневаться, есть ли у меня среди них хоть один настоящий друг.

Ке-о-кук, используя все свое красноречие, убеждал моих сторонников, что я поступаю опрометчиво, и сумел посеять среди них недовольство. Мне оставалось утешаться тем, что все женщины были на моей стороне: они не хотели уступать свои кукурузные поля.

Возвратившись в деревню, я обнаружил, что дела пошли еще хуже, а число моих сторонников увеличилось. Агент, которого я вновь посетил на Рок-Айленде, продолжал настаивать на нашем переселении. Он заявил, что если мы опять откажемся, в деревню будут присланы войска и нас выселят силой. Чтобы избежать новых неприятностей и обрести наконец покой, нам лучше всего присоединиться к остальным и жить одним народом. Его поддержал переводчик, который привел столько разумных доводов в пользу переселения, что я невольно усомнился в правильности сделанного выбора и чуть было не пожалел о принятых на себя обязательствах. В таком настроении я отправился к торговцу, так долго бывшему мне другом, но сейчас оказавшемуся в числе тех, кто советовал мне уступить деревню. Он встретил меня очень приветливо и сразу же стал восхвалять Ке-о-кука и сокрушаться, что по моей вине страдают женщины и дети. Потом он спросил, не хочу ли я выставить условия, которые позволят мне, не теряя достоинства и сохранив доверие своих сторонников, переселить свой народ на западный берег Миссисипи. Я ответил, что если Великий Отец поступит с нами по справедливости и сам укажет какой-нибудь приемлемый выход, я не буду сопротивляться долее. Тогда торговец спросил, уйдем ли мы из деревни, если главный начальник в Сент-Луисе даст нам шесть тысяч долларов для закупки провизии и необходимых товаров. Подумав немного, я заявил, что готов уступить, но мы должны получить за это достаточное вознаграждение, как того требуют наши обычаи. Однако достоинство не позволяет мне самому делать такое предложение. Торговец сказал, что сам все устроит. Он сообщит главному начальнику в Сент-Луисе, что мы согласны переселиться на западный берег Миссисипи при условии выплаты нам установленной суммы.

Вскоре на остров пришел пароход. После его отхода торговец

сообщил мне, что он попросил военачальника из Галены, который был на борту, передать наше условие в Сент-Луис. На обратном пути он привезет ответ. Своим людям я ничего не сказал, опасаясь, что они будут недовольны. Мне и самому не нравилась эта сделка, но я старался гнать от себя любые сомнения.

Через несколько дней военачальник привез ответ. Главный начальник в Сент-Луисе велел передать, что мы ничего не получим! И если мы немедленно не уберемся из деревни, нас прогонят силой.

Такой ответ не слишком огорчил меня. Пусть уж лучше я сложу свою голову на земле отцов, но не покину ее, чего бы мне это ни стоило. Однако, если бы нам пошли навстречу, как я того ожидал, ради женщин и детей мы бы отказались от своих притязаний.

Я решил оставаться в деревне и в случае прихода войск не оказывать сопротивления и покориться судьбе. Объяснив своим воинам всю серьезность положения, я приказал им ни в коем случае не браться за оружие. Как раз в это время наш агент был отозван — до сих пор не знаю почему. Сначала я думал, что причиной послужили его попытки заставить нас покинуть деревню, и был очень доволен: мне порядком надоели его бесконечные разговоры об этом. Однако переводчик, который усердствовал в деле переселения ничуть не меньше, остался в конторе, а молодой человек, который заменил нашего агента, завел ту же старую песню. Видно, причина была в чем-то другом.

Наши женщины засеяли кукурузой несколько клочков земли. Она дружно взошла, вселив в нас надежду, что нашим детям не придется голодать. Однако белые люди снова начали перепахивать ее!

Пора было положить этому конец и выдворить пришельцев с нашей земли. Явившись к их главарям, я потребовал, чтобы они убрались с нашей земли, и дал им для этого время до середины следующего дня. Почти все из них ушли до срока, однако один остался и стал упрашивать не трогать его до осени: если он бросит свой урожай, семья его (довольно большая) будет голодать. Он обещал, что будет вести себя тихо, если я позволю ему собрать жатву. Доводы его звучали вполне убедительно и я согласился.

Мы возобновили свои игры и забавы, уверившись, что нас не тронут, как на то надеялся пророк. Но вскоре нам стало известно, что на Рок идет большой военачальник с войсками (генерал Гейнс). Я поспешил к пророку, который попросил дать ему немного времени, чтобы разобраться в этом деле. Рано утром он пришел ко мне и сказал, что ему было дано видение. Он узнал,

что приход большого военачальника не грозит нам никакими бедами. Просто он хочет напугать нас, чтобы мы отдали свою деревню задаром. Он уверял меня, что военачальник не посмеет тронуть нас. Когда американцы заключали мир с англичанами, те потребовали (и американцы согласились на это), чтобы индейские племена, находящиеся в состоянии мира, никогда не подвергались нападениям. И если мы хотим сохранить за собой деревню, достаточно отвечать отказом на любое предложение этого военачальника.

Прибыв на место, военачальник созвал в агентстве совет. Послали за Ке-о-куком и Ва-пел-ло и они явились в сопровождении своих сторонников. Дом совета был открыт и их всех впустили внутрь. Затем на совет пригласили меня и мою партию. Вооруженные пиками и копьями, палицами и луками, словно перед сражением, мы появились у входа с военной песней на устах. Здесь я остановился, не желая входить в этот дом, — там толпились те, чье присутствие было совсем не обязательно и даже неуместно. Если совет собрали для нас, зачем на него пришли посторонние люди? Только после того, как военачальник отослал всех прочь, оставив только Ке-о-кука, Ва-пел-ло и нескольких их вождей и воинов, вошли мы в дом совета, всем своим видом показывая, что нас не удастся запугать. При нашем появлении военачальник поднялся и произнес речь. Вот что он нам сказал:

«Президент очень недоволен, что ему приходится посылать войска, чтобы выселять вас с земли, которую вы давно уже отдали Соединенным Штатам. Ваш Великий Отец уже не раз предупреждал вас через своего агента, что вы должны покинуть эти места. Он весьма огорчен, что вы не подчиняетесь его приказам. Великий Отец желает вам добра и требования его разумны и справедливы. Надеюсь, вы понимаете, что в ваших же собственных интересах освободить как можно скорее занятые вами земли и отправиться на другой берег Миссисипи».

На это я ответил ему, что никогда не продавали мы своих земель, никогда не получали за это вознаграждения и поэтому никогда не покинем свою деревню.

Разъяренный этими словами, военачальник вскочил на ноги с криком:

«А кто ты такой, Черный Ястреб, чтобы говорить так со мной? Кто ты такой?»

«Я из племени саков! Мои предки были саками и так зовут нас все другие племена!» — таков был мой ответ.

Тогда военачальник заявил:

«Ни упрашивать, ни платить вам я не намерен. Я пришел,

чтобы выселить вас отсюда, даже если мне придется применить для этого силу. Даю вам два дня, чтобы убраться, и если вы не окажетесь по ту сторону Миссисипи, у меня найдется способ вас выставить».

Я ответил ему, что никогда не соглашусь покинуть свою деревню. Это мое последнее слово.

На этом совет закончился и военачальник вернулся в форт. Я снова обратился к пророку. Он рассказал, что ему было виденье, и Великий Дух повелел, чтобы дочь старого вождя Ма-та-таса взяла в руки палочку, пошла к военачальнику и сказала ему, что она дочь Ма-та-таса, который всегда был другом белых людей. Он воевал на их стороне, был ранен и всегда говорил о них только хорошее. Он никогда не говорил, что продал деревню. Белых людей очень много и они, конечно, могут отобрать у нас деревню, если захотят. Но она надеется, что они не поступят столь безжалостно. Если нам все же придется уйти, она просит лишь об одном: пусть нашим людям разрешат остаться до осени, чтобы они могли собрать урожай с полей. Женщины так тяжко трудились, чтобы вырастить немного зерна для своих детей. Если же мы уйдем, не собрав жатву, детям грозит голодная смерть.

Выполняя волю Великого Духа, мы послали дочь Ма-та-таса в форт в окружении нескольких юношей. Все они были пропущены внутрь. Представ перед военачальником, девушка передала ему все, что велел пророк. Но тот сказал, что не для того он послан сюда президентом, чтобы заключать договоры с женщинами и устраивать с ними советы. Юноши должны покинуть форт, а она, если хочет, может остаться.

Все наши планы рухнули. Нам предстояло либо уйти за реку, либо возвратиться в деревню и ждать появления солдат. Мы избрали второе, но узнав, что несколько наших воинов, поддавшись на уговоры агента с торговцем и. Ке-о-кука, покинули деревню и ушли на другой берег Миссисипи, я послал сообщить агенту, что мы согласны покинуть деревню, но просим разрешить нам остаться до осени, чтобы собрать кукурузу, иначе нам придется голодать.

Посланники вернулись с ответом от военачальника. Он передал, что не даст нам ни дня против установленного срока, и если за это время мы не уйдем сами, он выдворит нас силой.

Я велел деревенскому глашатаю известить всех о моем приказе: если в деревне появятся солдаты, никому не стрелять и не оказывать сопротивления. Всем оставаться в своих вигвамах — пусть убивают нас, если хотят.

Меня не оставляла уверенность, что военачальник не тронет наших людей, — ведь и я не хотел войны в то время. Будь это

иначе, мы убили бы его еще на совете: там он был целиком в наших руках. Однако его мужественный вид и спокойная, но решительная манера держать себя свидетельствовали о храбрости и внушали уважение — и это удержало нас от неверного шага.

Разведчики сообщили, что к нам приближается большой конный отряд вооруженных людей. Вскоре они появились в окрестностях деревни и стали лагерем на реке Рок. В устье реки вошел пароход, на борту которого находился главный военачальник с солдатами и большая пушка! Они прошли мимо нашей деревни и вернулись обратно, не вызвав, впрочем, ни малейшего волнения среди моих воинов. Никто не обращал внимания на пароход — даже маленькие дети не прервали своих игр на берегу. Вода здесь была совсем мелкой, и пароход сел на мель, что привело белых людей в некоторое замешательство. Попроси они нас о помощи, среди моих воинов не нашлось бы ни одного, кто ответил бы им отказом. Белые люди прошли через деревню и вернулись назад, встречая повсюду самое дружеское расположение.

На следующий день истекал срок переселения, назначенный нам военачальником. Я бы предпочел остаться в деревне и стать пленником солдат, но мне внушали опасения бледнолицые, во множестве съехавшиеся сюда верхом, — вид у них был совершенно необузданный.

Ночью мы перешли Миссисипи и раскинули лагерь немного ниже Рок-Айленда. Главный военачальник созвал еще один совет, чтобы заключить с нами договор. По этому договору он обязался снабдить нас кукурузой взамен той, что мы оставили в полях. Я коснулся бумаги гусиным пером и удалился, чтобы жить в мире.

Выданной нам кукурузы оказалось недостаточно и вскоре в лагере стали раздаваться громкие причитания женщин и детей, сокрушающихся по своим початкам, бобам и кабачкам. Чтобы как-то утешить их, небольшой отряд воинов переправился на ту сторону реки, чтобы под покровом ночи тайком собрать кукурузу со своих же собственных полей. Однако белые их обнаружили и открыли по ним огонь. Посыпались жалобы, что мои люди опустошают их же собственные кукурузные поля!

От агента я узнал, что в одном из наших договоров есть статья об оказании помощи в сельскохозяйственных работах и мы можем требовать, чтобы нам вспахали поля. Поэтому я попросил его построить мне маленькую хижину и осенью распахать поле вокруг нее, чтобы я мог жить в одиночестве в покое. Он пообещал все это исполнить. От него я направился к торговцу и стал просить разрешения быть похороненным на нашем кладбище среди моих друзей и воинов. Тот охотно дал мне его. Довольный,

я возвратился к своему народу.

Вскоре после этого отряд фоксов вышел в направлении Прери-дю-Шейен, чтобы отомстить за вождей и родственников, убитых прошлым летом меномони и сиу. Неподалеку от лагеря меномони они встретили виннебага и велели ему идти в лагерь и, если там окажутся виннебаги, предупредить их, чтобы они скорее уходили. Тот пошел в лагерь, но предупредил не только виннебагов, но и меномони, что им грозит опасность. Подошедшие вскоре фоксы перебили двадцать восемь меномони и благополучно скрылись.

Этот акт возмездия (по нашим понятиям, вполне законный и справедливый) вызвал большое волнение среди белых. Они потребовали, чтобы фоксы были преданы суду. Осенью ко мне явился главный вождь фоксов, чтобы посоветоваться об этом деле. Я был уверен, что они поступили правильно, ведь, если наш Великий Отец допустил, чтобы меномони безнаказанно заманили в ловушку и убили всех вождей фоксов, то почему он должен наказывать фоксов за то же самое? Если он не имел права так поступать в первом случае, то откуда это право появилось у него сейчас? Я считаю, что он вообще не имеет права вмешиваться в разногласия между племенами. После этого разговора фоксы решили присоединиться к моему отряду, чтобы вместе идти на охоту.

К этому времени из Молдена возвратился Не-а-поуп (он отправился туда, как только стало известно, что генерал Гейнс идет нас выселять). Он рассказал, что видел английского начальника и тот уверил его, что, раз мы не продавали свою деревню и землю, американское правительство не может отнять их у нас. Мы имеем на них право и это право может быть передано кому-то другому только лишь с согласия всего племени. Поскольку мы никогда не давали согласия на продажу своих земель, они остаются в нашей безраздельной собственности и американское правительство не сможет изгнать нас оттуда. Нам нечего бояться: в случае войны англичане придут к нам на помощь.

На обратном пути Не-а-поуп завернул в селение, где жил пророк, и там впервые узнал, что мы покинули деревню. Он сообщил мне по секрету, что пророк очень хочет видеть меня, — у него есть хорошие новости. Английский отец прислал гонца с вестью, что весной он доставит нам ружья, боеприпасы, провиант и одежду. Все это будет привезено на судах в Милуоки. Племена, живущие на озерах: оттава, чиппева и поттоватоми — уже прислали пророку свои вампумы и табак. Что касается виннебагов, все они готовы выступить и только ждут его команды.

Нам будет сопутствовать удача!

Мне было радостно слышать, что наш английский отец решил заступиться за нас. Нас изгнали с наших же собственных земель, не дав ничего взамен, и сейчас впервые у меня появилась надежда, что мой народ вновь обретет утраченное счастье. Для этого я готов был идти на любые жертвы. Сам я уже не молод и могу доживать остаток жизни, где угодно. Но прежде, чем сойти в могилу, я хотел бы видеть свой народ счастливым. Это было делом всей моей жизни и вот сейчас в сердце моем затеплилась надежда, что нашим невзгодам скоро придет конец.

По словам Не-а-поупа, пророк был уверен, что англичане поддержат нас, а все упомянутые племена будут воевать на нашей стороне. А если мы потерпим поражение (что маловероятно), то и это не беда. Пророк имел дружескую беседу с вождем Вас-са-кум-ми-ко из селения Селькирк и тот сказал, что с радостью примет нас на своей земле, если американцы прогонят нас с нашей. Если мы решимся вступить в войну, мы должны дать знать об этом пророку через Не-а-поупа, который отправляется туда уже завтра. Мне же следует остаться и собрать как можно больше воинов.

Ночью я вновь и вновь перебирал в памяти все, что сказал мне Не-а-поуп, и радовался столь удачному ходу событий. Я решил последовать совету пророка и известил его через Не-а-поупа, что собираю воинов по всем окрестным деревням.

О полученных новостях я сообщил Ке-о-куку и вождям племени фоксов. Но они и слышать не хотели ни о какой войне. Ке-о-кук заявил, что меня ввели в заблуждение лживые люди и что самое лучшее — это оставаться на месте и вести себя тихо. Когда он узнал, что я намерен защищать свою деревню, то, опасаясь осложнений, обратился к агенту и главному начальнику в Сент-Луисе с просьбой разрешить нашим вождям поехать в Вашингтон и полюбовно уладить все дело с Великим Отцом. Ке-о-кук также убедил торговца, собиравшегося в Вашингтон, обратиться к Великому Отцу с такой же просьбой.

Не имея никаких утешительных вестей из Сент-Луиса, я решил собрать как можно больше воинов и держать свой отряд в боевой готовности, чтобы весной попытаться вернуть нашу деревню, если Великий Отец так и не позовет нас в Вашингтон.

Вернулся торговец и рассказал, что он известил Великого Отца о всех наших неприятностях, но просьба принять нас осталась без ответа.

Я решил послушать совета моих друзей и, в случае, если нам разрешат идти в Вашингтон, подчиниться воле Великого Отца, какой бы она ни была. Ке-о-кук прилагал все усилия, чтобы избежать войны, и мне казалось, что наш народ вправе

рассчитывать на справедливое решение своей судьбы. Однако надеждам этим не суждено было сбыться, что и привело нас к войне, которую при другом стечении обстоятельств легко можно было предотвратить.

Когда стало ясно, что нам не позволят идти в Вашингтон, я вернулся к своему прежнему решению и попытался переманить воинов Ке-о-кука, но потерпел неудачу.

Будучи уверен, что миролюбие Ке-о-кука и его людей в значительной степени способствовало нашему изгнанию, я не стал более тратить времени на уговоры и, собрав свой отряд, стал готовиться к походу вверх по реке Рок. Свой лагерь мы разбили на Миссисипи, где раньше был форт Мэдисон. Туда стекались воины, решившие последовать за мной. Вокруг лагеря я расставил часовых, чтобы никто не мог выйти раньше, чем все будет готово.

Наконец все собрались и мы двинулись вверх по Миссисипи: дети и женщины плыли в каноэ, нагруженных провизией и лагерным снаряжением, воины ехали верхом в полном боевом облачении. Невдалеке от устья реки Рок мы встретили пророка. Он уже успел побывать на Рок-Айленде, где военачальник, агент и торговец пытались отговорить его от участия в нашем походе. Они настаивали, чтобы он убедил нас повернуть обратно, поскольку на Рок-Айленд уже посланы войска.

Однако пророк сказал, что не желает слушать подобные разговоры, потому что ни один военачальник не посмеет тронуть нас, пока мы не находимся в состоянии войны. Мы имеем право идти, куда нам заблагорассудится. Он посоветовал мне ничего не говорить своим воинам, пока мы не раскинем лагерь. Мы продолжали двигаться вперед, пока не достигли места, где за год до этого останавливался генерал Гейнс. Там мы и разбили свой лагерь. И тогда пророк обратился к моим воинам с пламенной речью. Он призывал их ничего не бояться и смело идти вперед, не теряя надежды на успех. Американский военачальник не посмеет напасть на нас, пока мы ведем себя миролюбиво. Еще не наступило время для военных действий. Мы должны прежде подняться по реке Рок и получить подкрепление. И вот тогда мы сможем противостоять любой армии!

Ночью мы видели, как вверх по реке проплыли пароходы с солдатами Белого Бобра (генерала Аткинсона). Мы забеспокоились, опасаясь, как бы солдаты не помешали нам подняться по реке. Однако, достигнув устья, мы обнаружили, что пароходы уже ушли. Я подозревал, что, желая застать нас врасплох, военачальник может спрятать своих солдат где-нибудь за холмом или в лощине. Поэтому, выйдя на Рок, мы стали петь и бить в барабаны, чтобы американцы знали, что мы их не боимся.

Не встречая нигде сопротивления, мы не спеша поднимались по реке, как вдруг нас нагнал курьер от Белого Бобра, который принес мне приказ возвращаться и снова переходить на другой берег Миссисипи. Я ответил ему отказом, объяснив, что мы имеем самые мирные намерения и идем в деревню, где живет пророк, чтобы раздобыть там кукурузы. Какое право имел он отдавать мне подобные приказы?

Курьер отправился обратно. Мы прошли еще немного вперед и стали лагерем неподалеку от деревни пророка. Тут появился еще один курьер от Белого Бобра с угрозой возвратить нас силой, если мы не подчинимся приказу. Эта угроза укрепила боевой дух в моих воинах — все они решили остаться и помериться силами с военачальником, если он решится напасть на нас. Через курьера мы передали, что готовы драться, если нас вынудят к этому. Мы решили не отступать, но и не нападать первыми, ограничившись лишь обороной. Защищаться мы считали своим неотъемлемым правом.

Вскоре после ухода курьера в наш лагерь пришел агент виннебагов господин Гратио, а с ним несколько вождей и старейшин племени. У него не было переводчика и за него говорили вожди. Они сказали, что он пришел сюда, чтобы уговорить нас вернуться. Однако сами они советовали нам идти дальше, уверяя, что по мере продвижения вверх по реке наше положение будет улучшаться: нас поддерживает все их племя. Мы не должны отступать — на берегах реки Рок мы получим подкрепление, достаточное для разгрома любого врага. Они также сказали, что пойдут вместе со своим агентом к противнику, чтобы оценить его силы, и по возвращении передадут эти сведения нам. Они вынуждены идти на хитрость, дабы обмануть агента и помочь нам.

Пока шел совет, мои воины подняли английский флаг, вскочили на лошадей и окружили вигвам, где мы беседовали. Я заметил, что агент был сильно напуган всем этим. Тогда я попросил одного из вождей передать ему, что для беспокойства нет оснований, и приказал своим воинам разойтись. Все немедленно спешились и разошлись по своим вигвамам. Когда совет закончился, я поставил часового у вигвама, где остановился агент, опасаясь, как бы мои воины опять не напугали его. Он был хорошим человеком и мне не хотелось его обижать. Вскоре он вместе с вождями возвратился на Рок-Айленд.

Убедившись, что Белый Бобер не разрешит нам остаться здесь, я решил идти вверх по реке, чтобы переговорить с поттоватоми. О своих намерениях я известил вождей виннебагов, но они не выказали ни малейшего желания помочь нам. Разве не

они прислали нам зимой вампум и приглашали в свою страну, чтобы жить единым народом? Этого вожди не отрицали и заявили, что, если белые люди не будут возражать, они позволят нам в этом году вырастить кукурузу в деревне, где живет пророк. Однако они не хотят, чтобы мы поднимались выше по реке.

На следующий день я вышел со своим отрядом в направлении Киш-ва-ко-ки[26]. Мы оставили позади деревню, где жил пророк, и раскинули лагерь чуть выше по течению. Когда все уснули, я послал за своими вождями и сообщил им, что нас обманули! Все прекрасные обещания, которые принес нам Не-а-поуп, ничего не стоили! Но наши люди ничего не должны знать об этом. Мы сохраним обман в тайне и отправимся на Киш-ва-ко-ки, как будто ничего не произошло. Людям же мы сообщим какую-нибудь хорошую новость, чтобы поддержать их дух. Тем временем я свяжусь с поттоватоми и выясню, каковы их намерения.

На следующее утро мы отправились в путь, сказав людям, что из Милуоки пришла весть о том, что английский военачальник прибудет сюда уже через несколько дней.

Убедившись, что все наши планы потерпели крушение, я велел пророку идти со мной и попытаться договориться с поттоватоми. Прибыв на Киш-ва-ко-ки, мы послали гонца в их деревню. На следующий день от них пришли люди. Я спросил, есть ли у них в деревнях кукуруза. Они ответили, что очень мало и им нечем поделиться с нами. Я задал им еще несколько вопросов и на все получил отрицательный ответ. Разговор наш происходил в присутствии моих людей. Позже, в частном разговоре, я попросил их прийти в мой вигвам ночью, после того, как все уйдут спать. Когда они пришли и расселись по местам, я спросил, нет ли у них каких-нибудь вестей от англичан с озера. Нет, сказали они. Может быть, они слыхали, что в Милуоки прибыл военачальник нашего английского отца и привез нам ружья, боеприпасы, товары и провизию? Нет, отвечали они. Тогда я рассказал о полученных мной сведениях и попросил передать вождям, что я хочу поговорить с ними.

После их ухода я решил сказать своим людям, что, если Белый Бобер будет преследовать нас, нам придется повернуть обратно, — и думать нечего продолжать свой путь без провизии или стать здесь на стоянку. На помощь виннебагов или поттоватоми рассчитывать не приходилось. На следующий день в наш лагерь пришли вожди поттоватоми. Я приказал убить собаку и приготовить угощенье для вождей. Когда все было готово, я развернул свои амулеты, и вожди приступили к еде. Когда пиршество подходило к концу, мне сообщили, что в восьми милях от нас находится конный отряд белых в три-четыре сотни

человек. Не мешкая, я послал им навстречу трех юношей с белым флагом, чтобы привести их в наш лагерь. Я намеревался устроить с ними совет, после чего возвратиться к устью реки Рок. В случае, если белые стали лагерем, я велел юношам возвращаться и тогда я сам пойду на встречу с ними. Вслед за первыми тремя я выслал еще пять юношей посмотреть, чем закончится дело. Когда юноши, посланные первыми, вошли в лагерь белых, они немедленно были взяты в плен. Вышедшие позднее не успели еще далеко уйти, когда увидели, что к ним во весь опор мчится отряд белых, человек двадцать! Подозревая, что намерения их враждебны, юноши обратились в бегство, но двое были настигнуты и убиты. Остальным удалось спастись. Когда они появились в лагере, я как раз готовил флаги, чтобы встретить военачальника. Была объявлена тревога. В тот момент почти все мои воины находились не ближе, чем в десяти милях от лагеря. Я вышел с теми, кто оставался (около сорока человек), но не успели мы отойти от лагеря, как увидели приближавшиеся войска. Я издал боевой клич и сказал своим воинам:

«Наши люди убиты — жестоко и вероломно! Мы должны отомстить за их смерть!»

Вскоре стало ясно, что на нас двигается целая армия. Теперь мы были уверены, что наши посланцы убиты. Я спрятал своих людей за кустами, чтобы они могли открыть огонь первыми. Приблизившись к нам, солдаты внезапно остановились. Я снова издал боевой клич и приказал своим воинам открыть огонь, не надеясь, что мы останемся живы. Они дали залп — и враг в беспорядке отступил, объятый страхом перед моим маленьким, но храбрым отрядом.

Мы начали преследование, но, убедившись, что неприятеля нам не догнать, я вместе с несколькими воинами вернулся в лагерь (остальные продолжили погоню). Там я раскурил трубку и возблагодарил Великого Духа за его милость. Но вскоре мои размышления были прерваны: я увидел, что в лагерь входят двое из тех, кого я послал с флагом к американскому военачальнику! Мое изумление быстро сменилось радостью по поводу их счастливого возвращения. С нетерпением ждал я их рассказа, который я привожу полностью:

«Когда мы подходили к лагерю белых, к нам выбежало несколько человек с ружьями. Они привели нас в лагерь, где какой-то американец, который говорил немного на языке саков, стал спрашивать нас, кто мы такие и куда идем, где наш лагерь и где находится Черный Ястреб. Мы сказали ему, что пришли к их военачальнику: „Наш вождь велел проводить его в наш лагерь, если тот еще не разбил своего. В противном случае Черный

Ястреб сам придет к нему. Он отказался от всяких намерений вступить в войну и поэтому хочет держать с ним совет“.

Под конец разговора в лагере появилась группа всадников. По выражению их лиц мы поняли, что что-то случилось. Поднялась суматоха. Они с негодованием уставились на нас и, обменявшись какими-то словами, вскинули ружья и выпустили в нас пули. Один из нас упал замертво. Двое других бросились в толпу и скрылись. Не успели мы укрыться в засаде, как послышались крики индейцев, преследующих врага. Мимо нас пронеслись белые всадники. Один из них оказался совсем рядом с нашей засадой и я бросил томагавк, который поверг его наземь. Подбежав к упавшему, я снял с него скальп его же собственным ножом! Потом я забрал его ружье, мы с моим товарищем сели на его лошадь и поскакали вслед за нашими воинами, продолжавшими преследовать неприятеля. Вскоре мы наехали на бледнолицего, лошадь которого увязла в болоте. Мой товарищ спешился и нанес всаднику удар томагавком — тот не мог сдвинуться с места, придавленный лошадью. Потом он снял с него скальп и забрал ружье и лошадь.

За это время наш отряд ушел далеко вперед. Мы стали догонять его и по дороге видели немало убитых бледнолицых. Проехав около шести миль, мы повстречали наших воинов, уже возвращавшихся обратно. От них мы узнали, что при отступлении американцев ни один из наших не пострадал. На вопрос же, сколько перебито белых, нам ответили, что мы можем посчитать сами, когда с них будут снимать скальпы на обратном пути. По дороге мы обнаружили десять убитых, помимо тех двух, которые пали от нашей руки, когда мы догоняли своих людей. Видя, что нас не узнали в темноте, мы вновь спросили, сколько полегло наших воинов. Нам ответили, что пять: „Первые трое, посланные к белым, чтобы приветствовать американского военачальника, были захвачены и убиты в их лагере. Там же нашли свою смерть и двое из тех, кто последовал за ними“. Теперь мы окончательно убедились в том, что нас не узнали, но решили не выдавать себя до прибытия в лагерь. Наше появление было для всех полной неожиданностью — ведь нас считали погибшими».

Утром я велел глашатаю созвать всех на похоронный обряд. Вскоре все были в сборе. За отсутствующими послали гонцов. Похоронив убитых, мы отправились на покинутую белыми стоянку. Там мы нашли оружие, боеприпасы и провизию — все то, в чем мы нуждались более всего. Нам также достались седельные вьюки (я раздал их своим воинам) и немного виски. На земле валялось несколько бочонков из-под этого зелья, но они оказались пустыми. Я никак не ожидал, что бледнолицые возят с

собой виски. Мне всегда казалось, что все они принадлежат к обществу трезвости.

Лагерь белых располагался на опушке леса у ручья на расстоянии полудневного перехода от Диксоновой переправы. Мы напали на них на закате дня, в прериях, где нас разделяло лишь несколько кустов, и я был уверен, что весь наш отряд погибнет. Никогда прежде мне не приходилось видеть, чтобы отряд в несколько сотен человек отступил без единого выстрела и в панике бросил свой лагерь, — ведь я знал, что американцы превосходно стреляют. Они могли спокойно оставаться в лагере, даже если бы их было вполовину меньше, чем нас: в случае нападения они могли бы укрыться за деревьями и беспрепятственно расстрелять неприятеля, вынужденного пересекать открытое пространство.

Впервые в жизни я столкнулся со столь необъяснимым поведением. Зная о наших мирных намерениях, американцы пытаются убить посланцев, пришедших безоружными, чтобы просить о встрече, которая могла бы привести к нашему благополучному возвращению на западный берег Миссисипи, нападают на мой маленький отряд и сразу же отступают, невзирая на то, что в десять раз превосходят нас числом, — нет, этого я решительно не мог понять! Как сильно отличалось все это от моего привычного представления о бледнолицых. Я ожидал, что они будут драться столь же отчаянно, как в последней войне с англичанами, но таких храбрецов тут, видно, не было.

Я принял решение не вступать в войну и послал американскому военачальнику флаг мира, ожидая, что к нему отнесутся с уважением, как того требуют законы разума и справедливости (я знал, что белые всегда так поступают, когда воюют между собой). Я надеялся созвать совет, на котором мы рассказали бы о всех невзгодах, которые нам пришлось пережить с тех пор, как нас изгнали из родной деревни, не дав собрать кукурузу, выращенную тяжким трудом наших женщин, и попросили бы разрешения вернуться. Все это не могло не свидетельствовать о наших мирных намерениях.

Однако вместо этого меня вынудили вступить в войну, в которой против пятисот моих воинов была брошена армия в три-четыре тысячи человек!

Провианта и подкрепления, о которых говорили нам пророк и Не-а-поуп, мы так и не дождались. Оказалось, что ничего подобного англичане нам и не обещали. Наоборот, их военачальник велел передать, чтобы мы ни в коем случае не вступали в войну, ибо неизбежно потерпим в ней поражение.

Что же нам оставалось делать? Было бы настоящим безумием

встречаться со столь превосходящим нас неприятелем и тем самым навлекать на себя, своих жен и детей ярость тех, кто способен был убить безоружных людей, пришедших просить мира.

Возвратившись в лагерь и обнаружив, что все наши воины на месте, я выслал разведчиков следить за передвижением войск и повел своих людей вверх по Киш-ва-ко-ки, надеясь найти убежище для женщин и детей у истока реки Рок. Я решил идти туда через верховья Киш-ва-ко-ки, чтобы затруднить американцам преследование.

У истока Киш-ва-ко-ки меня встретил отряд виннебагов, воодушевленных нашим успехом. Они выразили желание присоединиться к нам. Я попытался узнать у них, где можно найти надежное убежище для женщин и детей. Они пообещали прислать двух стариков, которые отведут нас в безопасное место.

Перед тем, как пуститься в путь, я разделил своих воинов на отряды и разослал по всем направлениям. Виннебаги отправились отдельно. Остальные последовали за проводниками в сторону Великих озер. Однако не успели мы далеко уйти, как появилось шесть виннебагов со скальпом, снятым с бледнолицего, которого они убили в роще на дороге из Диксона к свинцовым копям. Через четыре дня нас догнал отряд виннебагов. Они рассказали, что убили четырех белых и сняли с них скальпы. Среди убитых был отец Ке-о-кука, который в то время был нашим агентом. Виннебаги предложили исполнить пляску на скальпах. Я посоветовал им совершить этот обряд у себя в лагере, так как мы оплакивали потерю трех воинов и не могли затевать пляски.

Спустя два дня мы благополучно достигли места, указанного нам виннебагами. Еще через несколько дней подошли почти все наши воины. Собрав их, я обратился к ним с такими словами:

«Настало время, когда каждый из вас может отличиться и получить амулет. Я призываю вас проявить все свое мужество и храбрость и отомстить за смерть наших воинов!»

Прошло несколько дней и воины вернулись с добычей — теперь нашим людям не грозил голод. Разведчики донесли, что войска отступили к Диксоновой переправе, а конный отряд снял свой лагерь и разошелся по домам.

Убедившись, что мы в безопасности и враг находится далеко, я решил выступить в поход во главе большого отряда, но прежде устроил пир для своих воинов, приказав для этой цели убить несколько собак. Перед началом пиршества я взял амулеты и обратился к воинам с такой речью:

«Слушайте же меня, воины! Вы видите амулеты Ма-ка-та-квета, праотца племени саков. Они были вручены великому

вождю нашего народа На-на-ма-ки, который вел войны со всеми племенами, обитавшими на озерах и равнинах, и никогда не знал поражения. Надеюсь, вы сумеете защитить их!»

По окончании церемонии я отправился в поход с двумя сотнями воинов, неся впереди отряда великие амулеты наших предков. Мы шли в сторону, где заходит солнце, и когда наступила вторая ночь после начала нашего путешествия, мне было видение, что через день у нас будет большой праздник. Утром я рассказал об этом своим воинам и мы отправились на Мос-ко-хо-ко-и-нак (река Эпл). Неподалеку от форта, построенного там белыми людьми, мы увидели четверых мужчин, ехавших верхом. Прогремел выстрел один из всадников был ранен, а другие принялись громко кричать, призывая на помощь своих товарищей. Мы укрылись в лесу, ожидая появления неприятеля, но никто не показывался. Тем временем четверка всадников поскакала к форту и подняла тревогу. Мы последовали за ними и напали на форт! Один из его защитников, более смелый, чем остальные, показался над частоколом, чтобы открыть огонь, однако меткий выстрел моего воина положил конец его героическим усилиям. Убедившись, что, не поджигая форта, поселенцев нам не перебить, мы решили забрать муку, провизию, скот и лошадей и тем ограничиться — ведь свет от пожара виден далеко и может привлечь сюда войска. Поэтому мы открыли амбары и наполнили свои сумки мукой и провизией, забрали лошадей и выгнали скот.

Покинув форт, мы отправились в сторону восхода солнца. Когда мы отошли уже довольно далеко, я увидел, что к нам приближается несколько бледнолицых. Я приказал своим воинам спрятаться в лесу и напасть на них, когда они поравняются с нами. Мы укрылись за деревьями и, когда они подошли совсем близко, напали на них, оглашая воздух криками и стрельбой. Вскоре им на помощь прискакал их военачальник с отрядом. Через некоторое время белые отступили, оставив на поле брани своего предводителя с несколькими солдатами, которые явно горели желанием сразиться с нами. Они вели себя, как настоящие храбрецы, но все же вынуждены были отступить под нашим натиском. Однако военачальник скоро вернулся с подкреплением. Было очевидно, что ему не терпится вступить с нами в схватку. Когда он приблизился, я издал боевой клич и началась перестрелка. Военачальник (человек очень маленького роста) громко отдавал приказания, однако вскоре белые опять отступили, оставив его лишь с несколькими солдатами. Мои воины стали преследовать отступающих бледнолицых и сумели подстрелить несколько лошадей. Но военачальник с горсткой

солдат по-прежнему не желал покидать поле сражения. С прискорбием я наблюдал, как от их руки погибли два моих вождя, прежде чем мы заставили их отступить.

Мужество и храбрость этого молодого офицера заслуживали всяческой похвалы, однако, на наше счастье, не все в его войске отличались подобной доблестью.

Во время этого сражения мы убили несколько человек и около сорока лошадей и потеряли двух своих вождей и семерых воинов. Мои люди хотели было гнаться за белыми до самого форта и поджечь его, но я остановил их. Не стоило зря тратить порох, поскольку надежды на успех было мало. Загнав медведя в берлогу, мы оставили его в покое и вернулись в лагерь.

В лагере разведчики сообщили нам, что армия белых пришла в движение. Одна из партий, посланных в разведку, вернулась и рассказала, что их несколько часов преследовал отряд в двадцать пять-тридцать человек. Они спрятались в лесу и обстреляли белых, когда те менее всего этого ожидали. Белые отступили, дав возможность нашим юношам перезарядить ружья. Затем они вновь устремились в чащу, но были остановлены нашими выстрелами. Завязалась схватка, в которой перерезали горло одному из наших воинов. Потеряв троих солдат, неприятель обратился в бегство.

Вернулась еще одна партия разведчиков, которая привела с собой двух молодых белых скво. Они отдали их виннебагам, чтобы те доставили их к белым. Разведчики рассказали, что они примкнули к отряду поттоватоми, который выступил против поселенцев на Иллинойсе.

Предводителя этого отряда, принадлежащего к племени поттоватоми, жестоко избил кнутом один из поселенцев, и он горел желанием отомстить за унижение. Когда отряд готовился к походу, один из поттоватоми отправился к поселенцу и предупредил его о грозящей опасности. Тот скрылся вместе со всей семьей, но скоро вернулся обратно. Поттоватоми перебили всю семью за исключением двух молодых скво, которым спасли жизнь саки, взяв их к себе в седло. Когда женщин привели в наш лагерь, мы отправили виннебагам послание с просьбой забрать их и передать бледнолицым. Мы избрали виннебагов в качестве посредников, поскольку они были в одинаково хороших отношениях с обеими сторонами. Если бы среди поттоватоми не оказалось моих воинов, эти скво разделили бы участь своих родных.

Во время стоянки на Великих озерах мы испытывали постоянную нехватку еды. Местность вокруг была болотистая (мы нарочно выбрали такое труднодоступное убежище) и дичи

водилось там мало. Столь же скудными бывали и уловы рыбы. По соседству не было ни одного поселения и достать провизию было негде. Чтобы как-то утолить голод, нам приходилось выкапывать коренья и обдирать кору с деревьев. Наши старики умирали голодной смертью. Узнав, что на нас идут войска, и опасаясь, как бы они не окружили нашу стоянку, я решил переправить женщин и детей через Миссисипи, дабы они могли вернуться к нашему племени. На следующий день в сопровождении пяти проводников-виннебагов мы отправились в путь, намереваясь спуститься по Висконсину.

Впереди шли женщины и дети, за ними следовал Не-а-поуп с отрядом в двадцать человек, прикрывая их на случай встречи с врагом. Добравшись до Висконсина, мы начали было переправлять женщин и детей на остров, как вдруг заметили, что к нам приближается большой вражеский отряд. Нам оставалось либо принять бой, либо бросить своих жен и детей на произвол судьбы. С отрядом в пятьдесят воинов (остальные продолжали переправлять женщин и детей) я поскакал навстречу неприятелю и обрушился на него, когда он был уже в миле от реки. Подо мной была прекрасная лошадь, а воины мои были сильны и бесстрашны. Я громко отдавал им приказания, призывая драться насмерть и не уступать врагу. Вначале я собирался построить своих воинов на склоне холма, что позволило бы нам иметь некоторый перевес над противником. Однако враг вскоре вытеснил нас и мы отступили в глубокую лощину, откуда и продолжали перестрелку. Моя лошадь была ранена уже дважды и я боялся, что она падет от потери крови. Спустились сумерки и наши выстрелы уже не достигали цели. Полагая, что женщины и дети имели вполне достаточно времени, чтобы перебраться на остров, я приказал своим воинам разделиться и возвращаться на Висконсин. К моему удивлению враг не стал преследовать.

Так с помощью пятидесяти воинов мне удалось задержать целый конный полк и обеспечить успешный переход через Висконсин, потеряв при этом лишь шестерых.

В сражение я вступил только для того, чтобы дать возможность женщинам и детям перебраться на остров. Любой, кому пришлось воевать, сумеет по достоинству оценить нашу нелегкую победу. И что бы ни думали белые люди по поводу этой битвы, среди своего народа я приобрел славу великого воина.

Потери неприятеля мне неизвестны, но думаю, что они значительно превосходили наши. Мы возвратились на Висконсин и благополучно переправились к своим.

Здесь часть моих людей оставила меня и спустилась по Висконсину в надежде попасть на западную сторону Миссисипи и

вернуться домой. Я не препятствовал этому — положение наше было самым отчаянным: мы были измучены переходами и страдали от голода. Единственным возможным спасением для нас было попытаться перейти Миссисипи. Однако немногие из этой партии уцелели. На их несчастье, неподалеку от устья Висконсина остановился отряд солдат из Прери-дю-Шейен и открыл огонь по беззащитным людям. Часть из них была перебита, другие утонули, несколько человек взято в плен, а остальные скрылись в лесах и погибли там от голода. В этой партии было особенно много женщин и детей.

Не-а-поуп с отрядом разведчиков, назначенный прикрывать наше отступление и сообщать о появлении врага, исчез, так и не возвратившись в лагерь. Оказалось, что белые, выступив в различных направлениях, перерезали тропу, по которой мы шли, и оставили наших разведчиков далеко позади. Не-а-поуп и еще один воин укрылись в деревне виннебагов и оставались там до самого конца войны. Остальные из его отряда возвратились к нам. Они поступили, как настоящие мужчины, для которых судьба их народа дороже собственного благополучия.

Не имея возможности спуститься по Висконсину, я со своим отрядом стал пробираться к Миссисипи лесами, намереваясь перейти на тот берег и возвратиться к своему народу. У нас не хватало лошадей и многие были вынуждены идти пешком. Люди ослабели от голода и двигались очень медленно. Наконец мы достигли Миссисипи, потеряв в дороге много стариков и детей, умерших от голода.

Вскоре на реке появился пароход («Уорриор»). Моим воинам было приказано не стрелять: я собирался подняться на борт и тем самым спасти женщин и детей. Я знал капитана (Трокмортон) и решил ему сдаться. Привязав на шест кусок белой ткани, я вызвал капитана и попросил прислать за мной его маленький ялик. Люди на борту спросили, кто мы: саки или виннебаги. Я попросил виннебага, находившегося на пароходе, передать им, что мы саки и хотим сдаться! Виннебаг закричал, чтобы мы скорее прятались, потому что белые сейчас начнут стрелять. В это время один из моих воинов прыгнул в воду, чтобы доставить на борт белый флаг, однако вслед за ним бросился другой и вернул его на берег. С парохода открыли огонь, и мои воины стали стрелять в ответ. К счастью, наши люди успели спрятаться за деревьями и почти никто не пострадал.

Вероятно, виннебаг, находившийся на борту, либо не понял, что я ему сказал, либо неправильно передал мои слова капитану. Я уверен, что, знай капитан о моих истинных намерениях, он никогда не стал бы стрелять в нас. Я всегда считал его хорошим

человеком и храбрым воином, который не будет стрелять во врага, когда тот сдается на милость победителя.

Когда пароход ушел, я сказал своим людям, что все. кто хочет, могут перебираться на тот берег — сам же я ухожу к чиппева. Некоторые сразу же стали переплывать на ту сторону, остальные задержались пока на этом берегу. Со мной осталось только три семьи. Ранним утром ко мне пришел юноша и сказал, что весь мой отряд собирается переходить Миссисипи и некоторые уже благополучно перебрались на другой берег. Кроме того, он сообщил, что белые находятся уже в нескольких милях от нас. Я начал опасаться, что белые подойдут раньше, чем мои люди успеют перейти реку, и перебьют их всех. Видя, что моему народу грозит опасность, я решил не идти к чиппева, где я могу спасти лишь собственную жизнь, а вернуться к своим и погибнуть с ними, если только Великий Дух не дарует нам еще одну победу. Пока мы разговаривали в чаще, мимо, не заметив нас, прошел большой отряд белых.

Наши люди уже начали переправляться на ту сторону, когда на берегу появился отряд белых, который шел впереди армии. Невзирая на мольбы о пощаде, белые начали убивать всех подряд. Вскоре появились войска. Видя, как гибнут беззащитные дети и женщины, наши воины схватились за оружие, готовые сражаться насмерть. Женщины бросились в воду, посадив на спину детей. Но немногим из них удалось добраться до берега: большинство утонуло или было застрелено.

Один из моих воинов, прячась за сваленными в кучу седлами, сумел подстрелить трех бледнолицых. Но видя, что враг подходит все ближе, ползком добрался до реки и, никем не замеченный, укрылся под крутым берегом. Когда неприятель ушел, он отправился ко мне и поведал обо всем, что произошло. Получив столь печальное известие, я решился идти со своим маленьким отрядом в деревню виннебагов в Прери-ла-Кросс. Там я вошел в вигвам одного из вождей и попросил его пойти со мной к его отцу, чтобы я мог сдаться американскому военачальнику и принять смерть, если так будет угодно Великому Духу. Он согласился идти со мной. Тогда я взял свой амулет и попросил вождя отдать его американскому военачальнику, сказав, что это великая святыня племени саков, с достоинством пронесенная через все сражения, и для меня она дороже жизни. Вождь обещал сохранить амулет и вернуть его мне, если я останусь в живых.

За то время, что я провел в деревне виннебагов, скво сшили мне белую одежду из оленьей шкуры. С несколькими виннебагами я отправился к их агенту в Прери-дю-Шейен, чтобы покориться своей участи.

Там я с прискорбием узнал, что те женщины и дети, которым удалось благополучно переправиться через Миссисипи, стали жертвами резни, учиненной над ними сиу, нашими заклятыми врагами. На такую жестокость способны только подлые трусы и белые не должны были допускать, чтобы это произошло.

Резня продолжалась около двух часов. Мы потеряли шестьдесят человек, помимо тех, что утонули. Сколько было убито врагов, мои воины не знали, но предполагали, что не менее шестнадцати.

Белый Бобер уже ушел вниз по реке, и агент передал меня в руки командира форта Кроуфорд. Мы оставались там недолго, а затем под присмотром молодого военачальника[27] (лейтенант Джефферсон Дэйвис) были отправлены пароходом в Джефферсоновские казармы. Он был очень добр к нам и я вспоминаю о нем с благодарностью. По пути мы ненадолго зашли в Галену. Вокруг парохода столпились люди, но молодой офицер не пустил к нам никого. Наверное, он почувствовал, сколь невыносимо нам будет видеть потешающихся зевак.

Рок-Айленд мы прошли, не останавливаясь. Командир форта Армстронг, желая посмотреть на нас, подошел к пароходу на ялике, но капитан не разрешил ему подняться на борт, так как в форте свирепствовала холера. Думаю, капитан мог спокойно пропустить командира форта на пароход — нам не грозила никакая опасность. Командир выглядел вполне здоровым. Как я узнал позже, он постоянно находился среди больных и умирающих солдат, оказывая им помощь, но так и не заразился. Глупо было опасаться подхватить болезнь от здорового человека. Но люди на пароходе, видимо, не обладали бесстрашием военных вождей, которые ничего не боятся.

Наш путь проходил по той самой земле, на которой мы испытали столько горя и тревог, пролили столько крови и за которую я заплатил собственной свободой. Я не мог не думать о неблагодарности белых, когда видел их прекрасные дома и тучные нивы — ведь это была наша земля. Мы потеряли свою деревню и родные могилы и были изгнаны за Миссисипи, не получив взамен ни единого доллара.

В Джефферсоновских казармах нас встретил Белый Бобер, возглавлявший американские войска в их походе против моего маленького отряда. Только теперь почувствовал я всю унизительность своего положения: совсем недавно я был вождем и вел за собой своих воинов, теперь же превратился в жалкого пленника.

Нас заперли в казармах, заковав в кандалы, что было крайне оскорбительно и совершенно бесполезно. Неужели Белый Бобер

действительно боялся, что я могу сбежать из его казарм? Или у него был приказ наказать меня, как следует? Если бы я захватил его в плен на поле сражения, то не стал бы уязвлять его самолюбие так глубоко, зная, что настоящий воин всегда предпочтет смерть бесчестию. И все же я не виню за это Белого Бобра — он исполнял свой долг, следуя обычаям белых.

Зима прошла для нас в мрачных и тягостных переживаниях, несмотря на то, что Белый Бобер делал все возможное, чтобы облегчить нашу участь. Для меня, который всю свою долгую жизнь привольно бродил по лесам, заключение стало настоящей пыткой.

Мы коротали время, вырезая трубки, и так дожили до весны, когда нас навестили агент, торговец и переводчик с Рок-Айленда, Ке-о-кук и несколько вождей и воинов нашего племени, а с ними моя жена и дочь. Увидеть родных было для меня большой радостью.

Торговец принес мне сушеную оленину, добытую и приготовленную одним из моих друзей. Это был замечательный подарок — первый раз за многие месяцы я ел мясо, и оно напомнило мне о моем вигваме, где никогда не переводились его запасы.

Ке-о-кук и пришедшие с ним вожди послали прошение нашему Великому Отцу, президенту, чтобы он освободил нас. Они давали за нас ручательство. У меня появилась надежда на скорое освобождение и возвращение к семье и друзьям. Мне было известно, что Ке-о-кук пользуется расположением Великого Отца из-за того, что он не поддержал меня в войне. Однако надеждам моим не суждено было исполниться. Белый Бобер получил приказ от Великого Отца доставить нас в Вашингтон.

В Вашингтон нас отправили на пароходе под надзором молодого военачальника. Он взял с собой переводчика и одного солдата. Поднимаясь вверх по Огайо, мы прошли несколько больших поселений. Первое из них, Луисвилл, расположено на самом берегу Огайо и очень красиво. Потом мы миновали Цинциннати, большое цветущее селение, которое выглядело весьма оживленно. При виде парохода на берегу собралось множество людей, желавших посмотреть на нас.

Когда мы пришли в Уилинг, весь берег и близлежащие улицы были заполнены людьми — все они ждали нашего появления. Однако отнеслись к нам там вполне доброжелательно — никто не делал попыток оскорбить или унизить нас. Селение это не такое большое, как те, о которых я упомянул выше, но тоже очень красивое.

Там закончилось наше плавание по самой прекрасной из всех

рек, какие я когда-либо видел (не считая нашей Миссисипи) и мы пересели в дилижанс. Такой способ передвижения был нам непривычен и скоро утомил нас. Как бы хотелось нам сесть сейчас в каноэ и вернуться к своим друзьям. Не успели мы отъехать, как повозка перевернулась. Солдат сломал руку, а я отделался легким ушибом.

В течение нескольких дней мы двигались по дикой гористой местности, однако дорога была гладкой и ровной. Представляю, какого труда стоило белым людям построить эту дорогу — ведь она проходит по горам, усеянным камнями и густо поросшим лесом.

Несмотря на то, что земля здесь была скудна и камениста, по сторонам дороги мы заметили множество вигвамов и небольших поселков. Я не видел в этих местах ничего привлекательного и не ожидал, что увижу здесь столько белых поселенцев.

Я часто вспоминал о них после возвращения к своему народу. Они предпочли остаться на своей бедной земле, хотя могли прийти и прогнать нас, чтобы пользоваться нашей, как это сделали другие. Люди, как мне кажется, должны довольствоваться той землей, которая была им дана Великим Духом, и не посягать на чужую землю только потому, что она лучше, чем их собственная. Это противоречит нашим убеждениям. Общаясь с белыми, я узнал, что одно из главных правил их религии гласит: «Поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы с тобой поступали!» Люди, живущие в этой горной местности, очевидно следовали этому правилу, чего никак нельзя сказать о поселенцах, захвативших наши земли.

Первое большое селение, встретившееся на нашем пути после того, как мы переехали через горы, называлось Хейгерстаун. Расположенное вдали от больших рек, оно, тем не менее, выглядело вполне процветающим.

По пути во Фредериктаун мы проехали несколько маленьких поселков, названий которых я не запомнил. Во Фредериктауне, большом и красивом селении, люди встретили нас очень доброжелательно. Так, впрочем, было и во всех остальных местах, где мы останавливались.

Здесь мы перешли на другую дорогу, еще более замечательную, чем та, что была проложена в горах. Белые называют ее железной дорогой! Не стану описывать ее, так как читатель знает, о чем идет речь. Это самая удивительная постройка из всех, какие я видел. Дорога через горы не идет с ней ни в какое сравнение, хотя белым и пришлось изрядно потрудиться над ней. Мне казалось удивительным, что столько труда и денег было потрачено лишь для того, чтобы сделать езду

легкой и удобной. Лично я предпочитаю езду верхом любому другому способу передвижения, но белые люди, видимо, так не считают, иначе они не стали бы расходовать столько сил и средств, чтобы ездить в диковинных повозках, которые двигаются сами собой. Их техника заслуживает самой высокой похвалы.

По прибытии в Вашингтон мы встретились с нашим Великим Отцом, президентом[28]. Он выглядел, как настоящий воин, уже переживший немало зим. Я говорил с ним совсем мало, так как он был очень занят и не расположен к длительной беседе. Мне он показался достойным человеком. И хотя наша беседа и была короткой, вел он себя очень приветливо. В его большом и прочно построенном вигваме было очень красиво и удобно.

Великий Отец сказал, что хотел бы знать причину, побудившую меня начать войну против его белых детей. Мне казалось, что ему это давно известно, и поэтому ограничился лишь несколькими словами.

Потом он велел нам отправляться в крепость Монро и оставаться там некоторое время на попечении ее командира. Я стал просить чтобы мне позволили как можно скорее вернуться к своему народу, и напомнил об обещании, данном Ке-о-куку: тому было разрешено приходить к Великому Отцу всякий раз, когда возникнет такая нужда. Я рассчитывал, что и мне будет дано такое право. Однако президент настаивал на нашем посещении крепости Монро. Видя, что переводчик плохо понимает наш язык и не сможет перевести мои слова должным образом, я решил подчиниться воле Великого Отца и не противоречить ему ни в чем.

Люди в Вашингтоне относились к нам очень хорошо, в особенности женщины. Мы побывали в большом доме совета — месте, где американцы хранят свои пушки, и во всех общественных зданиях, а затем отправились в крепость Монро. Там нас встретил сам командир крепости, который крепко пожал нам руки и, казалось, был очень рад нашему приезду. Все то время, что мы провели в крепости, он обращался с нами очень по-дружески и часто вел со мной беседы. Перед нашим отъездом он устроил для нас праздник и преподнес нам подарки, которые я собираюсь сохранить как память о хорошем человеке и храбром воине, ибо я обрел в нем родного брата.

Получив нового сопровождающего (майор Гарланд), мы наконец отправились к своим родным местам, избрав для этого долгий кружной путь. Великий Отец собирался навестить своих детей, живущих в больших городах в стороне, где восходит солнце, и желая показать их нам, приказал нашему проводнику провезти по всем этим местам.

Увидев Балтимор, мы были поражены его размерами, но офицер сказал нам, что есть города и побольше. Это было совсем уж удивительно. Мы побывали во всех общественных зданиях и увеселительных заведениях и везде вокруг нас собирались толпы любопытных. В это же время сюда приехал и наш Великий Отец, пользовавшийся, судя по всему, большой любовью своих белых детей, которые собирались вокруг него (так же, как и вокруг нас), чтобы обменяться с ним рукопожатием. Он пробыл в городе совсем недолго и уехал раньше нас.

Из Балтимора мы отправились на пароходе в большое селение, где белые чеканят медали и монеты (Филадельфия). Мы снова подивились на его величину, но наш военачальник сказал, что скоро мы увидим еще более обширные поселения. Я и не подозревал, что у белых есть такие огромные поселки, где живет столько людей. Нас опять приняли очень тепло: показали все большие заводы, корабли и пароходы. Мы побывали там, где делают деньги на монетном дворе и видели людей, которые этим занимаются. Они подарили нам несколько только что отчеканенных монет, которые выглядели очень красиво.

Я наблюдал, как проходят военные учения ополченцев. Одетые в красивую форму, они ловко проделывали разные боевые упражнения.

Однако у нас система военных учений намного лучше, чем у белых. Но раз теперь с войной покончено, я не буду впредь возвращаться к этой теме.

Подплывая к Нью-Йорку, мы увидели огромную толпу людей, собравшуюся в Касл-Гарден. Мы уже повидали немало удивительного на своем пути: большие селения, прекрасную горную дорогу, железную дорогу с поездами, корабли, пароходы и многое другое. Но сейчас нам предстояло увидеть нечто совсем необыкновенное. Нам сказали, что какой-то человек собирается подняться в воздух на воздушном шаре! Сначала мы не поверили этому, но вскоре с изумлением увидели, как он стал подниматься вверх, пока не исчез в облаках. Все мы были несказанно удивлены и один из наших юношей спросил у пророка, не к Великому ли Духу полетел этот человек.

После того, как шар улетел, мы сошли на берег и сели в экипаж, чтобы добраться до дома, где мы предполагали остановиться. Но не успели мы отъехать от пристани, как попали на улицу, до того запруженную народом, что экипаж не мог продвинуться ни на шаг. Тогда наш военачальник приказал кучеру ехать по другой улице и вскоре мы благополучно добрались до места. Правда, это был не тот дом, куда мы собирались вначале, но и здесь нас встретили радушно и

предоставили хорошие комнаты, вкусную еду и все необходимое.

Когда мы приехали, вожди этого большого селения украсили свой самый большой дом совета и пригласили туда множество людей. Все они встретили нас очень дружелюбно и многие дарили нам подарки.

Нам старались показать все, что могло бы нас заинтересовать или доставить удовольствие. Мы побывали в Касл-Гарден, где впервые увидели фейерверк. Это было красивое зрелище, но куда менее величественное, чем пожар в прериях.

Мы посетили все общественные здания и увеселительные заведения, которые произвели на нас самое приятное впечатление.

Люди относились к нам очень сердечно. Женщины дарили нам маленькие красивые безделушки. Эти белолицые красавицы были очень добры и обходительны.

Среди тех, кто выказывал нам особое расположение, был и мой старый друг Крукс из Американской меховой компании. Я знал его давно и относился к нему с неизменным уважением: он любил наш народ и всегда был готов поделиться советом. Я горжусь его дружбой и всегда рад пожать ему руку.

Повидав все чудеса этого большого селения, мы отправились в обратный путь, с нетерпением ожидая часа, когда мы наконец увидим свой народ. В Олбании на пристани и прилегающих улицах собралось столько любопытных, что мы с трудом добрались до гостиницы.

Там мы пробыли совсем недолго, а затем выехали в Детройт. С этим местом у меня связано много приятных воспоминаний. Я ожидал встретить там своих старых друзей, но этим ожиданиям не суждено было сбыться. Не знаю, что с ними случилось. Может быть, все они уже умерли. Я не застал также и нашего старого отца[29], который всегда был мне другом и никогда не упускал случая предложить мудрый совет.

Покинув Детройт, мы через несколько дней ступили на берег в Прери-дю-Шейен. Командир форта встретил нас очень радушно. Я зашел к отцу виннебагов (генерал Д. М. Стрит), которому я сдался после сражения на Бэд-Экс, и он очень обрадовался моему приходу. Я рассказал ему, что перед тем, как сдаться, оставил свой великий амулет у его вождей, и теперь, когда я вновь на свободе, хотел бы получить его, чтобы вручить своему народу незапятнанным. Отец виннебагов заверил меня, что амулет цел и он обязательно заберет его у своих вождей и перешлет мне. Надеюсь, он не забудет о своем обещании, как это всегда случается с белыми. Правда, виннебаги говорили, что он хороший отец и прекрасный человек и никогда не дает обещаний, которых

не может выполнить.

Спускаясь по Миссисипи, я видел на ее западном берегу множество бледнолицых, поселившихся вокруг свинцовых копей на землях, которые мы отдали своему другу Дюбюку[30] много лет назад. У меня это вызвало вполне естественное удивление, ведь я думал, что Великий Отец хочет, чтобы Миссисипи стала границей между его краснокожими и бледнолицыми детьми, которую они не должны будут нарушать. Так, действительно, было бы лучше и для тех и для других, и я искренне радовался такому решению. Но белых людей на западном берегу становилось все больше и они все ближе подбирались к нашим жилищам. Я всерьез опасаюсь, что через несколько лет они вновь начнут притеснять наш народ. Может быть, я и не доживу до этого, но такое время уже недалеко.

Когда мы прибыли на Рок-Айленд, было послано за Ке-о-куком и другими вождями. Они появились на следующий день, окруженные множеством молодых воинов. Все мы были рады видеть друг друга. Среди пришедших было много таких, кто потерял родных в прошлогодней войне. Я видел, как воспоминания о понесенной утрате вызвали у них на глазах слезы, но они старались улыбаться, приветствуя меня.

На следующее утро военачальник, который привез нас сюда, собрал совет в форте Армстронг. Ке-о-кук со своими людьми отправился туда, но я решил ждать, пока за мной пошлют. И действительно, вскоре пришел переводчик и сказал, что все собрались и ждут меня. Совет начался, как только мы подошли. Военачальник объявил, что собрал всех, чтобы передать меня Ке-о-куку. Потом он прочитал бумагу, в которой говорилось, что я должен следовать наставлениям Ке-о-кука и руководствоваться его советами во всех своих делах! Его требования были оскорбительны для моего достоинства и я с возмущением отверг их.

Не знаю, какую цель преследовал военачальник, произнося свою речь, и имел ли он действительно в виду то, о чем говорил, но уверен, что в этом не было никакой необходимости и ему не подобало вести себя так. Прежде мне часто приходилось слушать речи военачальников и самому говорить с ними, но никогда моя гордость и достоинство не попирались столь откровенно. Тем не менее, я сожалею о своей резкости и не хотел бы, чтобы меня поняли превратно.

На совете я встретил своего старого друга (полковник У. Давенпорт), с которым был знаком вот уже восемнадцать лет. Храбрый воин и замечательный человек, он всегда хорошо относился ко мне и нередко помогал добрым советом. Он тоже

говорил обо мне на этом совете, но совершенно по-другому. Это была речь настоящего воина! Он сказал, что знает меня уже давно и все это время мы с ним были добрыми друзьями. И хотя в последней войне он сражался против меня, это не помешает ему протянуть мне руку дружбы. Он надеется, что то, что я увидел во время своего путешествия, заставило меня понять, как глупо воевать против белых, и я никогда больше не нарушу мира. Он в любое время будет рад меня видеть и помочь советом.

Если бы Великий Отец присылал нам таких агентов, интересы наших людей, равно как и его собственные, охранялись бы гораздо лучше. Все военачальники хорошо знают наших людей и пользуются их уважением. Будь они нашими агентами, они бы сумели предотвратить столкновения между индейцами и белыми. Уверен, что нам бы не пришлось пережить столько горя, если бы агентом у нас был этот военачальник. Нашими агентами должны быть только военные! Великому Отцу следовало бы изменить существующий порядок управления и сделать офицеров, командующих пограничными фортами, правительственными агентами различных индейских племен.

Американские военачальники, с которыми мне пришлось встречаться, производили обычно хорошее впечатление. Наши люди, видевшие главного американского военачальника (генерал Уинфилд Скотт), который вместе с военачальником Иллинойса (губернатор Рейнольдс) заключил с ними последний договор, говорили мне, что это величайший из всех воинов и к тому же хороший человек-всегда исполняет свои обещания. Наши воины отзывались о нем лучше, чем о любом из тех, кто жил среди нас или заключал с нами договоры. На его слово можно было положиться. Если бы он был нашим Великим Отцом, мы бы не были поставлены в условия, вынудившие нас поддерживать англичан в их последней войне с американцами. Великий Отец меняется через каждые несколько лет и его детям следовало бы поставить на его место главного военачальника — пожалуй, трудно найти лучшего Отца для нас всех.

Я был бы рад, если бы глашатаи (редакторы газет) каждого селения где я проезжал, сообщили своим людям мое мнение о главном военачальнике.

Во время поездки меня часто спрашивали, что я думаю по тому или иному поводу, но из-за отсутствия хорошего переводчика я не мог тогда ничего ответить. Сейчас, когда у меня появилась такая возможность, я считаю своим долгом высказать свои взгляды публично, если они по-прежнему вызывают интерес.

В частности, был поднят вопрос о переселении негров и меня спросили, как, по-моему мнению, лучше всего избавиться от этих

людей. В то время я почти ничего не знал об этом и не был готов ответить. Однако позже я стал интересоваться этим вопросом и узнал, что некоторые штаты не признают рабовладения, в то время как в других используют негров как рабов и хотели бы избавиться от них, но не знают, как это сделать. В связи с этим я и хочу предложить свой план, который, надеюсь, будет принят.

Пусть свободные штаты вышлют всех негров мужского пола в рабовладельческие штаты и пусть Великий Отец купит всех негритянок в возрасте от двенадцати до двадцати лет и продаст их жителям свободных штатов на определенный срок, скажем, тех, кому меньше пятнадцати, до тех пор, пока им не исполнится двадцать один год, а тех, кому пятнадцать и больше — на пять лет. Если постоянно покупать в рабовладельческих штатах всех женщин старше двенадцатилетнего возраста и продавать их в свободные штаты, то вскоре вся страна будет очищена от чернокожих, которые, как мне говорили, вызывают столько толков среди белых и стоят им уйму денег.

Не сомневаюсь, что Великий Отец с готовностью поможет своим детям, ведь так он сделает всех счастливыми, сам при этом ничего не теряя. Если же свободные штаты не захотят взять их всех, мы с удовольствием заберем лишних себе, чтобы они помогали нашим женщинам растить кукурузу.

Сейчас у меня нет ни времени, ни желания подробно описывать свою поездку по Соединенным Штатам. Белые люди и так знают о них, а я должен присоединиться к своим людям, которые уже отправились к местам охоты.

Но прежде чем распрощаться с читателем, я хотел бы опровергнуть утверждения тех, кто обвинял меня в убийстве белых женщин и детей. Это бесстыдная ложь! Я никогда не совершал ничего подобного и не знаю ни единого случая, чтобы кто-нибудь из моего племени убил белую женщину или ребенка. Я заявляю об этом, чтобы успокоить белых людей, которые были добры ко мне, когда я находился среди них. Они должны знать, что рука, которую они так сердечно пожимали, никогда не поднималась на беззащитных и поражал лишь таких же воинов.

У нас всегда было в обычае принимать любого, кто приходил в нашу деревню или лагерь во времена мира, делиться с ним лучшей своей провизией и помогать, чем мы только могли. Если он шел куда-нибудь или сбивался с пути, мы выводили его на тропу, если он был бос, мы отдавали свои мокасины. Я очень благодарен белым за сердечный прием, который они оказали мне и моим людям, когда мы были их гостями, и от всего сердца заверяю, что белый человек всегда будет нашим желанным гостем и в любой деревне его примут, как брата. Томагавк войны зарыт

навсегда. Забудем все, что было, и пусть отныне нашим паролем будет слово «дружба»!

Жизнь моя подходит к концу. Пройдет еще несколько лун и я последую за своими предками в страну теней. Пусть же Великий Дух навечно установит мир между белыми людьми и нашим народом. Такова последняя воля Черного Ястреба.

ЭПИЛОГ [31]
СТАРЫЙ СЮРТУК И КОРИЧНЕВАЯ ШЛЯПА

После того, как история жизни Черного Ястреба была опубликована, он прожил еще пять лет. Большую часть этого времени его пристанищем был вигвам из древесной коры на берегу Айовы. Он жил там с женой, двумя сыновьями и дочерью по имени Намеква, чья красота позволяла ей успешно соперничать с белыми девушками в глазах молодых поселенцев.

Каттинг Марш, миссионер, посетивший саков и фоксов в 1834 году, описывая вигвам Черного Ястреба, отмечал, что в нем царили порядок и чистота, а вокруг росли дыни. Старика не было дома, но его дети приняли миссионера очень радушно.

Ке-о-кук, бывший в то время неоспоримым главой саков и фоксов, проявил по отношению к миссионеру гораздо меньше благосклонности. Марш сетовал, что вождь не очень-то жаловал христианских миссионеров. Но отвергая религию белого человека, Ке-о-кук вынужден был принять его способы ведения дел. По мере того, как исчезала традиционная торговля индейцев, им все чаще приходилось прибегать к кредитам. В конце концов, когда они совсем погрязли в долгах и жили в основном на пособие, саки и фоксы решили продать четыреста квадратных миль своей земли, чтобы заплатить долги.

На церемонии передачи земель, происходившей 27 сентября 1836 года, присутствовал Джордж Кетлин. Он писал: «Здесь был и несчастный свергнутый монарх, старик Черный Ястреб, который представлял собой весьма жалкое зрелище. Одетый в старый сюртук и коричневую шляпу, с тростью в руках, он стоял в полном одиночестве, сохраняя угрюмое молчание».

Но и столь значительной уступки оказалось недостаточно, чтобы остановить неумолимое наступление цивилизации. В 1837 году были проданы еще миллион с четвертью акров земли. Для заключения этой сделки в Вашингтон поехала группа индейцев и среди них Черный Ястреб. На этот раз он не удостоился таких почестей, как в 1833 году, но все же по-прежнему вызывал интерес на Восточном побережье. Он снова позировал художнику Чарльзу Бирду Кингу, знаменитому создателю серии индейских портретов. Но главой делегации, и притом весьма колоритным, был все же Ке-о-кук.

В 1838 году Черный Ястреб с семьей переселился на Де-Мойн.

Когда его приветствовали на празднике в форте Мэдисон, устроенном по случаю Дня независимости, он не смог удержаться от последнего выпада в сторону Ке-о-кука.

«Прежде я был великим воином», — сказал он. — «Сейчас я живу в нищете и все это по вине Ке-о-кука».

Черный Ястреб умер 3 октября 1838 года и был похоронен традиционным индейским способом — внутри небольшого саркофага из бревен, в сидячем положении. Но кости его покоились там совсем недолго: могила скоро была разграблена. Позже его останки были перенесены в музей геологического и исторического общества в Берлингтоне, штат Айова, и погибли при пожаре 1855 года.

Агентом, под чьим надзором жил в последние годы Черный Ястреб, был некий Джозеф М. Стрит, тот самый человек, который в соответствии с проводимой правительством политикой предупредил племя сиу, когда люди Черного Ястреба пробирались к Миссисипи перед сражением у Бэд-Экс. Позже Стрит возглавил агентство саков и фоксов на Рок-Айленде. Он дал Черному Ястребу корову и, судя по всему, пользовался уважением бедного старика.

К тому времени Стрит оценивал численность саков и фоксов, включая тех, которые жили на Миссури, в 4396 человек, «обитающих на плодородных, хорошо орошаемых землях». Он утверждал, что «у этих индейцев имеются все возможности для процветания и счастливой жизни». Однако Стрит был настроен слишком оптимистично: к 1842 году индейцы согласились обменять свои земли в Айове на территорию в Канзасе. В 1857-59 годах эти два племени повздорили и разделились, после чего фоксы вернулись в Айову и поселились в Томе на реке Айова. В 1867 году саки продали свои канзасские земли и переселились на Индейскую территорию. В 1937 году численность фоксов в Айове составляла 441 человек, а племя саков, которые жили преимущественно в Оклахоме, насчитывало всего 987 человек.

Конец

КОММЕНТАРИИ

Черный Ястреб (1767–1838) или Макатемешекиакиак, вождь сауков, родился вблизи современного г. Рок-Айленд на северо-западе штата Иллинойс. С 15 лет прославился как воин.

Когда в 1804 г. вожди сауков и фоксов продали США свои земли, лежавшие к востоку от Миссисипи, за вознаграждение в 1000 долларов ежегодно, Черный Ястреб оспорил этот договор на том основании, что глава американской делегации Уильям Генри Гаррисон, будущий президент США, во время переговоров подпаивал вождей, чтобы заполучить их согласие и подписи.

В колониальной войне 1812 г. Черный Ястреб занял позицию англичан, выступив против американцев тогда как его соплеменник и соперник Кеокук остался нейтральным. Подобно вождям шауни Текумзе и Тенскватаве, Черному Ястребу, на какое-то время примкнувшему к ним, импонировала идея создания большой конфедерации племен для отражения нашествия белых. Стремясь к этому, он направлял посланцев к соседним племенам — виннебаго, кикапу, поттоватоми и другим, в том числе и в Канаду. Испытав ряд военных поражений, Черный Ястреб подписал договор 1816 г., уступив американцам земли сауков, но отказался отойти к западу от Миссисипи, по примеру Кеокука.

В 1831 г., когда американские поселенцы начали распахивать земли сауков, Черный Ястреб воззвал к сопротивлению. В 1832 г. встал во главе 2000 сторонников. Он направил парламентариев с белым флагом к генералу Г. Аткинсону (тот стоял во главе войск США) для переговоров. Эти послы были расстреляны, что и повлекло за собой так называемую «Войну с Черным Ястребом».

Поначалу индейцам сопутствовала удача — им удалось разбить несколько отрядов белых и разорить ряд поселений. Затем они понесли тяжкие потери. Не имея поддержки от соседних племен, Черный Ястреб отступил к северу в долину Рок-ривер, где 21 июля 1832 г. потерпел сокрушительное поражение. Он попытался переправиться через Миссисипи у ее слияния с рекой Бэд-Экс, но был отрезан пароходом «Уорриер» и отрядами генерала Аткинсона. После того, как большинство индейцев погибло, утонуло или было схвачено, Черный Ястреб некоторое время скрывался среди виннебаго, но затем был выдан белым и посажен в тюрьму г. Сент-Луиса, штат Миссури. В виде контрибуции индейцам пришлось отдать белым земли в Айове, что получило наименование «сделки с Черным Ястребом» (21 сентября 1832 г.)

В 1833 г. Черный Ястреб был освобожден; условием

освобождения было то, что Кеокук станет вождем всех сауков. Одновременно правительство США стремилось уговорить Кеокука на уступки дополнительных земель в Айове. После освобождения Черный Ястреб в сопровождении Кеокука был привезен в Вашингтон, где встречался с президентом Эндрю Джексоном, а затем совершил поездку по стране, пробудив повсюду восхищение и сочувствие. В этом же году он продиктовал Антуану Леклеру, переводчику на государственной службе, свою автобиографию.

Черный Ястреб умер близ Айовавилля, на реке де Мойн, в штате Айова, 3 октября 1838 г. в возрасте 71 года. Он был женат на Асхекехве (Поющей Птице), имел дочь и двух сыновей.

Историческое значение войны с Черным Ястребом состоит в том, что она была последней из многих войн с индейцами за обладание северо-западом Америки. Она завершилась массовыми переселениями племен юго-восточных индейцев (так называемая «Тропа слез»), на Запад, и послужила прелюдией к войнам с индейцами степей за обладание дальним Западом США. В войне с Черным Ястребом в разной мере и на разных этапах принимало участие множество известных исторических лиц: будущие президенты Генри Гаррисон и Захария Тэйлор, генералы Г. Аткинсон и Уинфилд Скотт, лейтенант Джефферсон Дэйвис, будущий глава Конфедерации южных штатов, капитан Авраам Линкольн и сын первопроходца Дуниэда Буна, Нат Бун.

notes

ПРИМЕЧАНИЯ

1

Аткинсон — Генерал Генри Аткинсон (1782–1842), прозванный индейцами Белым Бобром, возглавил военные экспедиции вверх по Миссури в 1819 и 1825 г. Командовал американскими войсками во время войны с Черным Ястребом.

2

Сауки и фоксы — оба племени принадлежат к алгонкинской семье языков; после вторжения на их земли европейцев стали союзниками (1730). Сами фоксы называют себя Мескуаки. Здесь имеется в виду Саукенук — большое постоянное поселение сауков на Рок-Ривер, близ ее слияния с Миссисипи.

З

Ма-ше-на *(алгонк.)* — хвастун, лжец.

4

На-пе-ква *(алгонк.)* — здесь: обозначение лодки.

5

Англичане взяли верх над французами — имеется в виду сдача Квебека французами в 1629 г. в ходе так называемой франко-индейской войны, т. е. войны, в ходе которой между Францией и Англией решался вопрос об обладании американскими колониями.

6

Макинак — т. е., форт Мичилимакинак на о-ве Макинак, расположенный в северной части штата Мичиган на озере Гурон.

7

Кас-кас-кия — племя алгонкинской семьи, член конфедерации иллинойцев, вытесненное со своих земель сауками и фоксами.

8

Маско — название, применяемое к алгонкинским племенам, проживавшим в прериях Висконсина и Иллинойса.

9

Осейджи — воинственное степное племя семьи сиу, родственное омахам, понка, канзам и квапо, входившее вместе с ними в союз племени Дхегиа.

10

Мерамек — имеется в виду течение р. Мерамек на территории штата Миссури; впадает в Миссисипи ниже Сент-Луиса.

11

Чероки — племя ирокезской семьи, проживающее в южной части Аппалачей.

12

…к испанскому отцу — автор использует прием индейской ораторской традиции, применяющей для обозначения союзных и исторических связей между племенами термины родства. В данном случае «отец» означает командующего поселением или фортом.

13

Айова — племя семьи сиу, родственное ото и Миссури, проживавшее на территории одноименного штата.

14

Чиппева (часто также оджибве) — крупное племя алгонкинской семьи, проживавшее в районе Со-Сент-Мари в области Великих озер.

15

Большие ружья — так индейцы называли пушки.

16

…от пророка племени шауни — имеется в виду Тенскватава (Открытая Дверь) (ок. 1768 — ок. 1837) брат известного вождя племени шауни Текумзе, обладавший, по представлениям индейцев, пророческим даром. Учил индейцев отвергать образ жизни и дары белых и возвратиться к традиционным обычаям и верованиям. Вместе с братом пытался создать большую конфедерацию индейских племен для отражения наступления белых на индейские земли. Часто его именовали просто Пророком Шауни.

17

Поттоватоми — также, как кикапу и оттава, племена алгонкинской семьи, находились между собой в различной степени родства.

18

Гомо — вождь в поселении племени поттоватоми, находившемся на реке Иллинойс выше г. Пеория; во время войны 1812 г., относился лояльно по отношению к американцам.

19

Ке-о-кук (1780–1848), Тот-Кто-Побывал-Всюду — вождь сауков, поднявшийся к власти благодаря личным достоинствам. Постоянно выступал соперником Черного Ястреба, будучи главой «мирной фракции» в племени. Ке-о-кук последовательно стоял за сотрудничество с американцами.

20

Варка сахара — добывание и переработка кленового сахара были важными сезонными занятиями многих алгонкинских племен.

21

…приступили к постройке форта — Черный Ястреб не знал тогда, что сражается с будущим президентом, Великим Отцом Захарией Тэйлором, в то время командовавшим военным отрядом.

22

Портаж-де-сиу — поселение, основанное в 1799 г. на западном берегу Миссисипи, в 6 милях выше впадения в нее Миссури. Название связано с тем, что когда-то здесь отряд сиу спасся, перенеся лодки и поклажу посуху от реки к реке.

23

Двуречье — область к северо-западу от современного г. Ганнибал, Миссури.

24

Меномони — племя алгонкинской семьи, родственное кри и фоксам, проживавшее на территории штата Висконсин.

Скво — *(алгонк.)* — индианка.

26

Киш-ва-ко-ки — имеется в виду река Кишвоки, впадающая в Рок-Ривер ниже р. Рокфорд, штаб Иллинойс.

27

…молодой военный вождь — имеется в виду лейтенант Джефферсон Дейвис (1807–1889), впоследствии видный военный и политический деятель южных штатов.

28

…с Великим Отцом, президентом-речь идет об Эндрю Джексоне (1767–1845). который был президентом с 1829 по 1837 годы.

29

…нашего старого отца — имеется в виду Джозеф Монфор Стрит (1782–1840), который стал агентом по делам индейцев племени виннебаго в Прери-дю-Шейен в 1827 г. Позже — бригадный генерал иллинойской милиции. Будучи на посту индейского агента, последовательно стоял на страже их интересов.

30

Жюльен Дюбюк (1762–1810) первый белым поселенец в Айове, получивший от фоксов в 1788 г. право на разработку свинцовых копей на западном берегу реки Миссисипи, где ныне расположен город Дюбюк.

31

Эпилог написан от лица Дональда Джексона, первого издателя первоначального текста автобиографии Черного Ястреба. Переведен с небольшими сокращениями.